

12+

Людмила Ляховская

По грибы

Рассказы

Людмила Валентиновна Ляховская

По грибы. Рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64727986

SelfPub; 2021

Аннотация

Как хорошо на лето уехать из города! Лес, река, болото, грибы, ягоды, живность на земле и в небе... Простая жизнь день за днём катится по мягкой мураве, оставляя радость воспоминаний о немудрёных событиях. Всё другое забудешь, а их будешь помнить всегда, – они подарены природой. Дети и взрослые, – читайте!

Содержание

Кошка Муся	5
Пират и Тобка	16
Давнишняя история про пса Гая	20
Белая панамка	23
По лету вприпрыжку	28
Граня	55
Как маленький Егорка заговорил	66
«Шведский стол»	69
Закадычная подружка	73
Дом, в котором всегда что-то происходит	82
Счастливые поросята	89
Ежиная семья	94
Белки-бабочки	102
Маленький ужастик	107
По грибы	108
Страшная ночь	124
Деревня Гадюкино	132
Птицы, птички и пичужки	137
Карузо	148
Мартовские сюрпризы на берегу Ладоги	154
Хоть смейся, хоть плачь...	158
Клюквенное болото	165
Осень	172

Людмила Ляховская

По грибы. Рассказы

Часть

I

Кошка Муся

Помню кота Маркиза из своего раннего детства – серо-белого окраса, крупного, костистого, с рваными ушами. Он снискал всеобщее уважение за то, что был ярым крысоловом, а крыс в те времена в городских подвалах хватало. «Работал» Маркиз в три смены, а домой прибегал только молочка хлебнуть да поспать несколько часиков в тепле. В качестве платы за постой почти каждый раз приносил в зубах крысу. Нам и в голову не приходило его потискать – для детских игр он совсем не годился.

После Маркиза мама завела кошку, так как котов не любила за их привычку метить углы, да и вообще считала, что кошки не в пример умнее.

Мурка выросла очень дисциплинированной: с детства знала свою территорию в квартире – коридор и кухню – и никогда не пыталась войти в жилые комнаты. Спала Мурка на тёплой батарее в коридоре, а кормилась на кухне: все мясные и рыбные обрезки доставались ей, да и молочка хозяйка всегда наливала. При такой ненавязчивой заботе кошка всегда была здорова и лоснилась хорошей шерстью. Лотка дома не держали и выпускали Мурку гулять на улицу; вернувшись, она садилась у дверей квартиры и терпеливо ждала, когда кто-нибудь из проходящих соседей обратит внимание на её просительное мяуканье и нажмёт кнопку звонка.

К нашим нескладным детским ласкам Мурка относилась терпимо, но когда ей что-то совсем не нравилось – вежливо отстранялась и убегала к себе на батарею. Своей хозяйкой она считала маму, которая много времени проводила на кухне: варила обеды, пекла пироги, а Мурка тем временем сидела на табуретке и терпеливо ждала, когда та кинет ей чего-нибудь вкусненького. Мурка ценила мамину заботу и была ей преданна. Она не была особо ласковой кошкой, и только к маме она сама запрыгивала на колени и, топча лапами её фартук и жмуря глаза, заводила свою благодарственную песню. А однажды Мурка на деле продемонстрировала преданность своей хозяйке.

Колька, мой брат-озорник, как-то сильно набедокурил. Отец в тот раз нешуточно рассердился и решил разобраться с ним сурово: бранясь, он вытащил из брюк ремень и замахнулся, но добрая мама незамедлительно кинулась наперерез! И тут произошло что-то странное: отец, забыв про Кольку, начал шлёпать ремнём по собственной спине. Оказалось, кошка, решив, что обижают её хозяйку, бросилась на отца и вцепилась в него когтями!

Два раза в год Мурка приносила штук по пять котят. Когда подступала пора рожать, она начинала ходить за мамой по пятам и мяукать: дескать, помощи! Мама ставила рядом с батареей картонную коробку, застилала мягкой тряпкой, и Мурка тут же в неё запрыгивала. Котята рождались слепы-

ми и мокрыми. Кошка тщательно вылизывала их, и те сразу принимались сосать молоко. Для нас, детей, это было целым событием, мы не могли дождаться, когда, наконец, нам разрешат взять в руки и поближе рассмотреть хотя бы одного котёночка! Котята бывали разномастными, и мы, окружив коробку, бурно обсуждали, который же из них самый красивый, выбирая себе любимчиков; а дня через два уже всю таскали их из коробки. Поначалу кошка с волнением наблюдала за нашими действиями, но скоро привыкала к человеческому любопытству и благодушно разрешала любоваться своими очаровательными детишками.

Каждое лето проводили мы у бабушки и дедушки в деревне. С именами для своих животных они не мудрили: поросёнка неизменно звали Борькой, корову – Малюткой, кошку – Муркой. А кошки у них жили всегда, без кошки в деревенском доме нельзя – от мышей спасу не будет.

Поутру, когда на стол ставился кипящий самовар и все садились завтракать, прибежала с охоты и кошка со своей лептой к семейной трапезе – свеженькой «мышатинкой». Она гордо кидала её посередине комнаты: угощайтесь, мол, приятного аппетита, видите – я тоже при деле и не зря ваш хлеб ем! Но иногда бездыханная мышь вдруг «оживала» и на глазах опозоренной Мурки проворно скрывалась под буфетом. Все сочувствовали кошке – охали, ахали! Но та (от стыда, и чтобы поскорее сменить тему) начинала истово умываться,

тщательно вылизывать свои бока, делая вид, что у неё давно запланированный «банный» день, и ничего особенного только что не произошло, – забудьте!

А бывало так, что с охоты кошка возвращалась слишком рано, мы ещё спали, и она, недолго думая, несла мышь кому-нибудь из нас прямо в постель – на подушку – вот визгу-то было!

Через много лет, когда я сама уже стала хозяйкой, появился у нас в доме неожиданно-негаданно простенький, беспородный котёнок – девочка – назвали её Мусей. Муся была ласковой, с удовольствием давала себя тискать, и к ней быстро все привязались.

История нашей Муси чем-то напоминает сказку о гадком утенке. В раннем детстве она была невзрачным котенком, в котором не было и намёка на будущую изысканность, но к семи-восми месяцам Муся превратилась в настоящую красавицу. Выросла она в необыкновенно крупную и отлично сложенную кошку, а детский невнятный пушок сменила на роскошную гладкую шерсть, тёмную на спине и пятнистую по бокам. Красивая голова с высокими ушами была раскрашена по-тигриному, на грудке – белая «манишка», передние лапки – в белых «носочках»; тяжёлый полосатый хвост довершал картину. Все любовались Мусей, а кто-то даже спрашивал её у нас, но мы на это только посмеивались.

По утрам Муся просыпалась очень рано, с рассветом: её

желудок требовал немедленного завтрака. Она забиралась ко мне в постель и принималась «нежно» вылизывать моё лицо шершавым языком, явно рассчитывая на ответную благодарность. Очнувшись, я немедленно прятала голову под одеяло, но Муся начинала искать другую неприкрытую часть тела, бесцеремонно топча меня лапами. Вставать на заре мне категорически не хотелось, и я вяло отбрыкивалась от неё как от надоедливой мухи, – однако всё было бесполезно. Помаившись так некоторое время, я с досадой вскакивала с кровати и выпихивала кошку за дверь, чтобы без помех продолжить прерванный сладкий сон. А ей оставалось терпеливо ждать, когда хозяйка наконец-то встанет и накормит изголодавшуюся.

Неугомонная игрунья Муся, даже будучи уже взрослой кошкой, по-детски прыгала за бантиком, привязанным к верёвочке. Она мгновенно откликалась на любой призыв к игре: как напрягалось её красивое крупное тело, и расширились зрачки, когда кто-нибудь начинал поскрёбывать рукой, спрятанной под подушкой! Замерев на несколько секунд (только кончик хвоста выдавал её волнение), она совершала стремительный и грациозный прыжок на «шуршащую» подушку всеми четырьмя лапами!

Как-то в игре я, притворно задираясь, взяла в пучок Мусины задние лапы и подняла её над полом вниз головой, словно тушу. «Подвешенная» Муся стала изгибаться, стараясь достать зубами мою коварную руку. Долго я её не мучи-

ла и опустила на пол, но Мусе моя выходка так понравилась, что она никуда не убежала, а совершенно определенно стала требовать продолжения и лизать мою руку. С тех пор это гимнастическое упражнение стало её любимым.

В конце мая мы на всё лето уехали на дачу. Юная Муся, никогда до этого не видевшая живой природы, ошалела от свалившихся на неё впечатлений. Часами, в позе сфинкса, сидела она на цветущем лужке перед домом, с явным восторгом наблюдая порхающую и копошащуюся вокруг жизнь: уши её разворачивались во все стороны на множество жужжащих и звенящих насекомых, круглые глаза были широко раскрыты, хвост трепетал.

Ласточки, живущие под коньком крыши, воспринимали Мусину длительную «засаду» как нешуточную угрозу, они с оглушительным щебетом атаковали её с высоты, норовя на лету клюнуть в макушку. Их налёты только дразнили Мусю: она жмурилась, прижимала уши, но цапнуть, конечно, не успевала. Попугав врага и не добившись его бегства, ласточки улетали восвояси до следующего раза.

На этом зелёном лужке и состоялось у Муси знакомство с соседским котом Васькой. Со своего крылечка я наблюдала, как это произошло...

...Васька жил у тётки Пани, имевшей обширное и беспорядочное хозяйство. Большой пыльный двор её всегда кишел живностью, которая плодилась будто бы сама по себе;

а на богато унавоженном огороде, заросшем сорняками, зрел стихийный урожай. Только укроп, к слову, вымахивал у неё в полтора человеческих роста, а свёкла – с капустный кочан. Кроме коровы, поросёнка, гусей и кур, было у Пани две собаки и около десятка кошек (кто их считал!). Жадна была она на всякую животину, а рук и сил на всё уже не хватало. В доме у неё, вечно неприбранном, стоял неистребимый дух варева для скотины, готовившегося из столовских отходов, которыми Паня разживалась в расположенной поблизости воинской части.

Кошки Панины, не привыкшие к человеческой ласке и заботе, жили свободно, кормились чем бог пошлет: ловили мышей и птичек, крутились на речке около рыбаков. Но в урочное время, когда хозяйка начинала греметь подойником, все были тут как тут в полном сборе.

Как-то зашла я к Пани и застала забавную картину: кошки, беспрепятственно рассевшись на обеденном столе и холодильнике, с волнением следили, как хозяйка кормит измельчёнными крутыми желтками звонкую ораву крошечных цыплят, помещённых в картонную коробку и подсвеченных для тепла электрической лампой. Кошки с трудом воздерживались от поползновений: хвосты их так и ходили ходуном! Но смотреть-то – кто запретит?

В этой своеобразной компании и жил свободной деревенской жизнью Васька – гроза всех местных собратьев. Был он простецким, выдавшим виды котярой: кряжистым, с боль-

шой головой и укороченным в боевой схватке ухом. Только одна деталь в нём совершенно не соответствовала этому брутальному образу и вызывала улыбку: у Васьки был нежно-розовый носик с маленькой черной родинкой.

Приметив Мусю, сидящую среди цветущих одуванчиков, Васька был ошеломлён: первый раз в жизни он видел такую холёную красавицу – и влюбился в неё без памяти. Его чувства были очевидны и очень походили на человеческие. Он стал приходить к заветному лужку каждый день: залегал на пригорке в некотором отдалении и с благоговением наблюдал за Мусиным моционом. Васька был королем в своей деревне, а теперь совершенно потерялся и не надеялся на взаимность. Сначала он даже не пытался приблизиться, и был счастлив просто любоваться Мусей издали. А Муся, как любящая женщина, цену себе знала. Новоявленного поклонника она заметила в первый же день, но свой интерес тщательно скрывала, ни одним взглядом себя не выдавая.

Однако вскоре страстное желание познакомиться у Васьки победило, и в один прекрасный момент он стал медленно сокращать расстояние до предмета своего поклонения, пока не оказался совсем рядом, – здесь он притормозил и напряжённо замер в ожидании последствий. Но Муся искусно не заметила его эскападу и продолжала оживлённо следить за порхающей бабочкой. Васька от неловкости тоже стал смотреть на бабочку, однако всё же не забывал кидать на Мусю быстрые взгляды, оценивая её благорасположение. Потом

он перестал заниматься ерундой и, ползком преодолев оставшиеся несколько шажков, самым нелепым образом уткнулся в Мусин бок своим розовым носом: мол, это я, Васька, – обрати, наконец, внимание на мою скромную персону! Тут уж Муся «увидела» его, возмутилась, привскочила и – лапочкой, лапочкой – стала шлёпать его по лбу! Васька весь съёжился, глаза зажмурил, уши свои, израненные в боях, прижал, всем своим видом показывая: «Я всё выдержу от тебя – бей! – только не гони!» Но Муся как-то быстро успокоилась, остыла – видно, эти «пощёчины» были чисто ритуальными, полагающимися по её женскому статусу, – и никуда не убежала. Васька, разумеется, тоже остался. Знакомство состоялось. С тех пор он присутствовал рядом с Мусей на лужке уже на законных основаниях, а она по-царски едва замечала его, хотя и не гнала.

Самая интересная, наполненная событиями и приключениями жизнь происходит у кошек по ночам, а видят они в темноте прекрасно. Ночью кошки, бывает, пробегают по несколько километров к своим заветным охотничьим угольям или в поисках своего, только им ведомого, интереса.

В сумерках, когда Муся уже давно спала, растянувшись на диване, Васька стал приходить к нашему дому, чтобы пригласить подругу на ночное гулянье. Он садился под окнами и начинал громко и гортанно мяукать. Муся, не поднимая головы и не открывая глаз, разворачивала ухо в сторону при-

зывных криков и продолжала дремать, однако через некоторое время, как бы невзначай, просыпалась и соскакивала с дивана. Сладко зевнув, широко раскрывая пасть и потянувшись всеми четырьмя лапами, она начинала тщательно прихорашиваться, приглаживать свою шерсть розовым языком. Всем своим видом она показывала, что это обычный её туалет после сна. Однако было видно, как чутко разворачиваются её уши на очередной Васькин призыв. Так она намывалась до тех пор, пока кто-нибудь наконец не открывал дверь, чтобы выйти из дома, – тут уж Муся мгновенно бросала свое занятие и первая, стрелой, проскальзывала мимо ног. За дверью она резко сбавляла темп и как приличная особа, не теряя достоинства, неспешно сходила с крыльца, прекрасно зная, что напротив уже сидит и смотрит на неё влюблённый Васька.

По ночам Васька, бывалый охотник, учил Мусю своему любимому занятию – ловле мышей и крыс, которых было немало на скотном дворе у тётки Пани. Как-то в темноте слышали мы оттуда их совместную яростную схватку с крысой, сопровождавшуюся шумной возней, парным кошачьим воем и крысиным визгом. Так наша «благородная девица» приобщалась к настоящей деревенской жизни – это тебе не за бабочками прыгать! Муся оказалась хорошей ученицей: скоро и у нас в доме не осталось следа от мышей.

Утром, после бурных ночных приключений, Муся возвращалась домой и заваливалась спать. Однажды, не дождав-

шись, когда мы проснёмся и откроем дверь, она нашла себе солнечное местечко между оконными рамами в нежилой половине дома и крепко заснула, растянувшись на старых опилках. Хватившись среди дня, мы долго не могли найти свою любимицу: ходили, кричали, звали её, пока не увидели за перекошенной рамой с разбитым стеклом мерно вздымающийся кошачий бок. Она не слышала нашего зова: умаявшись за ночь, Муся спала мертвецким сном.

В конце лета мы вернулись в город. В квартире Муся долго не находила себе места: тосковала, бродила как неприкаянная, подолгу сидела у входной двери, откуда тянуло улицей. Забывалась она сном. Спала беспокойно, напряжённо подёргивая во сне лапами и хвостом. Видно, вновь и вновь снились ей деревенская жизнь и уж наверняка преданный друг Васька...

Пират и Тобка

У тётки Пани был полный двор живности: и корова с телёнком, и поросёнок, и куры, и гуси, около десятка кошек, и две собаки-дворняги: большущая – Пират, и небольшая – Тобик.

Пират был немолодым, мудрым, «малоразговорчивым» псом: лишний раз попусту не брехнёт. Обычно он лежал в пыли посредине двора и чутко подрёмывал, время от времени приоткрывая один глаз и внимательно окидывая взором свою территорию. Его обязанностью было охранять двор от трёх главных врагов – ворон, ястребов и крыс. Ястребы высматривали зазевавшихся, отбившихся от мамыши цыплят, а вороны воровали куски хлеба, которые тётка Паня в солнечную погоду сушила для скотины на пологой крыше сарая. Крысы тоже не упускали возможности пошарить во дворе в поисках съестного. Так что Пират всегда был начеку. Иногда, чтобы похвастаться перед кем-то его выучкой, Паня кричала: «Пират, ворона!» или «Пират, крыса!» – Пират тут же вскакивал и, не увидев ещё ни вороны, ни крысы, начинал упреждающе сновать по двору и яростно лаять во все углы, вызывая восхищение у зрителей своей понятливостью.

Паня уважала Пирата за ум, но особенной нежности к нему не испытывала: никогда не погладит, за ушком не почесет. Относилась она к нему как к верному служаке, кото-

рого надо каждый день кормить, как и всю остальную живность на своём дворе. Однако для поддержания его репутации любила при случае рассказать особенную, с налётом таинственности, историю о том, как Пират не раз излечивался от змеиных укусов. Будто бы ровно в полночь (это особо подчёркивалось) он вставал и с распухшей лапой уходил со двора искать заветную травку – противоядие, которое действует, по её словам, только ночью, по росе, а утром возвращался уже практически здоровым. Достоверность этой истории, устойчиво укоренившейся в её голове, вызывала сомнения, так как «в полночь» Паня обычно досматривала свой десятый сон (утром вставать с петухами!) и не могла видеть факта отлучки Пирата со двора и тем более сопровождать его в поисках нужной травы.

Кошек своих Паня тоже не особо привечала, были они полными дикарями и даже пугались, когда кто-то к ним наклонялся, чтобы погладить.

И всё же было на свете одно существо, которое тётка Паня любила бескорыстно и самозабвенно, и которому доставалась вся её ласка. Этим существом, как ни странно, была мелкая и совершенно никчемная дворняжка Тобик.

Выглядел Тобка карикатурно, хотя чем-то и напоминал шпица: у него была острая гладкая мордочка со стоящими треугольными ушками и пышное жабо. Длинная чёрная шерсть распадалась по его хребту на две стороны, прикрывая рыжеватое брюхо, а хвост, как страусовое перо, лохматый

той баранкой лежал на спине. Всю картину портили до нелепости короткие, мелкие лапки и какой-то невнятный дефект пасти: его верхние зубы не до конца прикрывались губой, и пасть постоянно казалась ощеренной.

Всё бы ничего, да характер у Тобки был препротивный. Если внушительный Пират охранял двор от пернатых и хвостатых воришек, то эта «мелочь», Тобик, с утра до ночи следил за всеми «двуногими», проходящими мимо Паниного дома. И не просто следил, а, завидев идущего, кубарем выкачивался со двора на дорогу и, поднимая клубы пыли, с остервенелым лаем начинал преследовать ни в чём не повинного человека. Стараясь по трусости не попадать в поле зрения своей жертвы, Тобка нападал сзади. Щеря острозубую пасть и захлёбываясь лаем, он норовил схватить человека за пятку. Бедняга-прохожий изворачивался, начинал искать под ногами спасительную палку или камень, чтобы отпугнуть мерзавца, – а вот этого Тобка никому не прощал! Почувствовав уже совершенно определённую угрозу, он, опережая её, больно тыпал человека за ногу и благоразумно, с мстительным лаем, скрывался за своими воротами (до следующего, проходящего мимо).

Тётка Паня обожала своего Тобку и прощала ему всё. А «сторожевую» прыть даже поощряла и пресекала редко – только когда кто-нибудь скандал заводил – и Тобка мгновенно её слушался. Чувствовали они друг друга с полувзгляда. Детей у тётки Пани никогда не было, и она любила его, воис-

тину, как своего ребёнка, а называла не иначе как Тобка-сын-ок; разговаривала с ним как с человеком и всюду брала с собой. В магазине она обязательно покупала ему гостинцы, а со стола Тобке доставались самые лакомые кусочки.

Когда тётка Паня отправлялась куда-то на лодке по реке, Тобка непременно сопровождал её, сидя на носу и по-лоцмански оглядывая фарватер и окрестности. Однажды Тобка с лодки увидел, что мимо их дома, по дороге, идёт чужой человек. Забыв про водную преграду, он со своим обычным истерическим лаем ринулся в атаку и тут же с размаху (затормозить-то уже было негде) улетел в речку. Увидев своего «сынка» беспомощно барахтающимся в воде, Паня душе-раздирающе закричала и бросила вёсла, – лодка под её ногами заходила ходуном и чуть не опрокинулась. Вытащить Тобку из воды не было никакой возможности, Паня могла только протягивать к нему руки и стенать: «Тобка, сынок! Тобка, сынок!..» Но опростоволосившийся Тобка, несмотря на полное отсутствие опыта в водоплавании и мелкие, малопригодные для этого лапки, добрался до берега самостоятельно, где первым делом, зажмурившись и пуще обычного оскалив пасть, стал долго и яростно отряхиваться. Паня же, вся на нервах, догребла за ним, выбралась из лодки и с причитаниями посеменила сушить и ублажать несостоявшегося утопленника...

Давнишняя история про пса Гая

Как-то сидели мы с пятилетним сыном Мишкой на крыльечке, отдыхали после завтрака. Утро было сверкающее, душистое – июнь в самом разгаре! Зелень вокруг свежая, молодая, луга цветут, весёлые облака несутся по умытому небу. И так хорошо нам было!

Вдруг на тропинке, ведущей к нашему дому, появилась гурьба собак – штук восемь разного размера и масти. Перемещались они нервно, вразнобой, успевая, однако, и на травке иногда повалиться, отдохнуть. По всем признакам – гуляла «собачья свадьба». Обычно на такие «свадьбы» со всей округи собираются разнокалиберные псы и днями бегают за какой-нибудь местной жучкой, претендуя на ее любовь и благосклонность. И неизвестно, кого она выберет на роль «жениха». Каждый в этой компании тихо ненавидит своих назойливых соперников, и от этого между ними часто случаются злобные стычки. Так и бегают все вместе неделю, а то и больше, – голодные, не рискуя лишней раз исчезнуть из поля зрения своей «дамы», чтобы поесть-попить. Эти взбудораженные стаи надо обходить стороной, стараясь никак их не задевать, не попадаться им «под горячую руку», а то можно ненароком и схлопотать от какой-нибудь уставшей и раздраженной псины.

Вот такая «свадебная» толпа и появилась около нашего

дома, когда мы сидели на ступеньках и любовались пейзажем. Среди собак оказался соседский Гай – дворняга черно-рыжего, как у овчарки, окраса с обвисшими ушами. Гай был добрым псом, он любил нашего Мишку и при встрече обязательно подбегал «поздороваться» с ним. И в этот раз, завидев Мишу, Гай по инерции отделился от своей компании и затрусил в нашу сторону. Напрасно он это сделал! Он и сам это понял, когда был уже рядом. В тот момент, как и все остальные собаки, он был сильно возбужден и мог думать только о свадьбе – ему было не до Миши. Гай притормозил и уже хотел развернуться, но Мишка успел дотянуться до его головы, чтобы погладить. Гай увернулся от нежеланной ласки и раздражённо тяпнул его за руку. Укусил не очень сильно, не до крови, но Мишка расплакался от неожиданности и обиды. А Гай опрометью бросился прочь.

Прошла неделя. И снова с крыльца видим – бежит Гай в нашу сторону, теперь уже один, но бежит как-то неуверенно, с запинками: то притормаживает и нюхает что-то под ногами, то куда-то сворачивает, – а сам, однако, в нашу сторону посматривает и этими уловками встречу только оттягивает. А когда наконец приблизился, то и совсем сбавил шаг: хвост виновато поджал, голову опустил, в глаза не смотрит. Остановился рядом, постоял немножко в замешательстве и вдруг, зажмурив глаза (ах, была не была!), уткнулся носом в Мишкины коленки. Мы ахнули: Гай пришел просить прощения! Целую неделю, бегая без сна и еды с собачьей сво-

рой, он, оказывается, помнил свою вину, мучился, что обидел маленького человека, с которым всегда дружил. Мишка, теперь уже опасливо, протянул руку и дотронулся до его головы, – какое же счастье сразу вспыхнуло на собачьей морде: его простили! Глаза у него заблестели, хвост радостно завилял; видно было – тяжелый камень упал с его души! Пританцовывая, он стал лизать Мишку в лицо, в макушку, в руки! Мне даже показалось, что когда эта долгожданная процедура закончилась, Гай облегченно вздохнул. А потом он развернулся и весело побежал в сторону своего дома – наконец-то обедать и спать...

Белая панамка

Помню я себя с годовалого возраста, а то и раньше. Одно из первых воспоминаний младенчества: я стою в кроватке в затемнённой комнате и держусь ручками за перильца; видимо, только что проснулась и встала на ноги. Тихо, никого рядом нет. Через открытую дверь вижу светлую соседнюю комнату: голубые обои с мелкими букетиками, высокий комод с витыми столбиками, обеденный стол. Жду, когда появится мама, а её всё нет и нет. Говорить я ещё не умею, но вполне понимаю, что к чему. Не дождавшись, начинаю громко плакать, и мама прибегает откуда-то из глубины квартиры.

Помню, как меня моют в корыте, стоящем на табуретках рядом с раскалённой круглой печкой. Печка облицована гофрированным металлом и покрашена серебрянкой. В открытой топке пылают дрова. Я шлёпаю по воде ладошками – брызги летят во все стороны! Мама для порядка ворчит и старается поскорее закончить дело.

Говорить я, со слов мамы, начала в полтора года. Хорошо помню свои впечатления об этом событии: идём мы с ней по нашей улице и о чём-то разговариваем, и я, держась за мамину руку, гордо думаю про себя: «Как же хорошо, что я теперь сама могу сказать всё что хочу!»

Уже позже меня стал мучить вопрос: а кто это думает внутри меня? И что такое «думать»? Я щупала своё тело, го-

лову – и никак не могла понять, как появляются мои мысли, откуда? Казалось, что мысли живут в теле самостоятельно и каким-то образом управляют мною. Я двигала руками-ногами, издавала разные звуки, даже рычала, вслушиваясь: кто же внутри командует моими действиями?! Я пыталась *перестать* думать – но ничего не получалось. В результате изнурительных и упорных попыток я, как мне показалось, всё-таки нащупала место в груди, у шеи, где, вроде бы, находится что-то обособленное и руководит мной, – но внятного ответа я, конечно же, не получила. Пришлось с этим смириться, а вопросы и до сих пор остались.

Помню зиму. Меня везут на санках, я лежу животом на мягкой подушке лицом вперёд. Мне доставляет удовольствие слушать, как шуршат подо мной полозья, хрустит снег у мамы под ногами, наблюдать, как при каждом шаге от её подошвы отваливается спрессованная снежная лепёшка, – мне почему-то очень нравятся эти лепёшки! По бокам от меня громоздятся большие чистые сугробы. Если же задрать голову, то видно, как на высоких городских крышах курятся белыми завитками печные трубы, разбавляя морозный воздух уютным запахом дровяного дыма.

Но ни с чем не сравнить мои воспоминания о летней жизни в деревне у бабушки с дедушкой.

К нашему дому, стоявшему на краю деревни, примыкал луг, на котором мы, будучи маленькими детьми, проводили весь свой день, а мама, занимаясь своими делами, следи-

ла за нами из открытого окошка. Мы ползали в траве, купаясь в духмяном настое цветущего разнотравья (как-то, через много лет, этот несравненный запах приснился мне, словно въявь, и я проснулась в слезах). Жужжали пчёлы, на разные голоса стрекотали кузнечики, порхали бабочки, по длинным травинкам ползали диковинные жуки, за которыми я с большим интересом наблюдала вблизи, лёжа на тёплой земле. Однажды, когда я захотела потрогать пчелу, она больно ужалила меня, оставив в моей руке острое чёрное жало. Я заплакала, побежала к маме, и та вытащила его, подула, поцеловала «бобо», успокоила.

А помню, как на тропинке среди высокой травы я впервые нос к носу столкнулась с собакой – она показалась мне огромным лохматым чудовищем, и я зашлась плачем от ужаса. А собачонка-то, как мне потом рассказывали, была размером с болонку.

В трёхлетнем возрасте я устроила себе первое маленькое приключение.

Позади деревенских домов, на склоне противоположного косогора, раскинулось широкое ржаное поле; с нашего холма было видно, как ветер неустанно гоняет по нему и мотает во все стороны серебристо-зелёные волны молодых колосьев. Быстрые облака часто бросали на рожь обширную тень – её незамедлительно сменяла полоса ослепительного солнечного света, которая гнала эту тень к горизонту. Тут же на-

бегала новая тень – и снова солнечный свет как метлой гнал её прочь. Я, как маленький суслик, столбиком стояла на нашем холме и заворожённо смотрела вдаль на эту живую игру в догонялки. Размашистые и упругие волны ржи манили к себе, казалось, что на них можно лечь, и они понесут тебя по полю вместе с бегущим солнечным светом. Мне захотелось рассмотреть эти волны вблизи, и я стала потихоньку спускаться с нашего косогора. Иногда я всё-таки оглядывалась и видела на фоне слепящего солнца почти чёрный силуэт нашего дома, который сначала казался громадой, но, чем дальше я уходила, становился всё меньше и меньше, как и другие деревенские дома левее.

Хорошо помню, какая высокая, выше моего роста, была трава, через которую я пробиралась к своей цели, – приходилось разводить её руками. В глазах рябило от золотых лакированных цветочков куриной слепоты, которые тыкались мне в лицо. Иногда на пути деревом вставала толстая красноватая метла конского щавеля, и её надо было обходить. В необъятном синем небе самозабвенно пели жаворонки, и я запрокидывала голову, высматривая трепещущие чёрные точки. Всё было для меня вновь, но я не испытывала боязни, а просто шла к цели, которая меня заворожила. Домов позади уже почти не было видно, только крыши торчали из-за холма. И вот я уже спустилась в низину, откуда до ржаного поля было рукой подать, как вдруг чьи-то сильные руки подхватили меня сзади. Конечно же, это была мама!

Через много лет мы вспоминали с ней эту историю, и она рассказала, как испугалась, обнаружив тогда мою пропажу; как искала меня везде по деревне. И только в очередной раз выскочив за околицу, увидела далеко под горой белую панамку, ползущую в высокой траве в сторону ржаного поля.

Не довелось мне тогда дошагать до своей первой мечты совсем немного...

По лету вприпрыжку

Дед Егор и бабушка Таня жили в небольшой деревеньке Смолино недалеко от старинного города Твери, который в советские времена назывался Калинином. Нас, внуков, у них от двух дочерей было пятеро. Дочери же (мои мать и тётка) давно жили отдельно со своими семьями: одна – в Питере, другая – в Москве. Однако каждое лето, с мая по сентябрь, они с нами, младшими детьми, проводили дачниками в деревне у стариков.

Деревня наша стояла на холме под привольным небом. С холма открывался чудный вид на лоскутные квадраты колхозных полей, на травяную низину, на острозубую гребёнку леса, венчающую противоположный косогор. За лесом пряталось большое село Семёновское с церквушкой посередине, а за селом, среди широких заливных лугов, текла река Волга.

Деревня оживала на рассвете. Выгоняли коров. Во дворах по очереди скрипели ворота, выпуская скот из душного ночного чрева. По улице шёл пастух с торбой через плечо, гнал на пастбище колхозное стадо, к которому постепенно присоединялась и вся «домашняя» скотина. Выходила и наша корова, любимая бабушкина Малютка. Пастух лениво поторапливал хозяев: у каждого дома, где мешкали, он свистел как соловей-разбойник и громко хлестал оземь длин-

нющим кнутом. Вокруг стада крутилась, перебегая туда-сюда, невзрачная лохматая собачонка, присматривая за порядком и подавая при необходимости строгий требовательный голос. Рогатый скот её беспрекословно слушался, а пастуху вроде бы и делать было нечего.

Но скоро, роняя на ходу смачные лепёшки, стадо бойко спускалось с горки в росистую низину и бесшумно пропадало в ползущем утреннем тумане. Эту пасторальную картинку наблюдала я очень редко: утренний сон самый сладкий!

Обычно я вставала часов в десять. Будили меня куры, которые поутру, когда несли яйца, начинали оглушительно вопить за стенкой несчётное количество раз: «Ко-ко-ко-ко-кудааах-тах-тах! Ко-ко-ко-ко-кудааах-тах-тах!..», оповещая весь поднебесный мир об этом несусветном событии. Очнувшись ото сна и кинув на ухо подушку, лежала и думала: «Зачем так орать-то?! Чтобы все, кто мог, сбежались и забрали на съеденье ваши яйца? Почему бы не делать всё молча? Правду говорят – куры-дуры!». Помаявшись ещё немного, я сползала с матраса, туго набитого сухой душистой осокой, и, натянув сарафан, плелась из своей легкой горницы на улицу умываться. На ступеньках крыльца меня мгновенно окутывало горячим солнечным светом и разогретым запахом чистой деревенской травы. Утро уже всюю перетекало в сверкающий день, и высокий ветер, набравшийся полуденной силы, весело играл серебристой листвой старых вётел. Умыв-

шись, я бежала в дом узнать, что там с завтраком?

Во времена моего детства в деревнях у всех ещё были русские печи – кормилицы, душегрейки, лекари, спасительницы – много уважительных слов можно сказать об этом великом народном изобретении. Эта животворящая громада занимала внушительную площадь в избе. В печи с утра готовили еду на весь день, и та не остывала в её чреве до вечера. В печи варили щи и кашу, топили молоко в глиняных кринках, пекли хлеб и пироги, запаривали корм для скотины. В печи коптили окорока и делали пивное сусло к праздникам. Полость печки была весьма объемной, с прочным сводчатым потолком, – в ней, бывало, при особой нужде даже мылись и парились! На печи обустроивалась лежанка, где в холода, на старых овечьих тулупах, грудилась вся малышня, да и старики, когда прихватывало, грели свои кости. В боковой стенке печи обязательно имелись небольшие, размером с кирпич, углубления – печурки – для сушки рукавиц и другой мелочи.

В каждой избе, кроме русской печи, обязательно имелся самовар. Простота и удобство этого старинного устройства для быстрого кипячения воды удивительны. В ёмкость самовара герметично вмонтирована вертикальная труба-топка с решётчатым поддувалом снизу. В самовар наливается вода, а трубу заполняют холодными древесными углями и поджигают их с помощью лучины; от горящих углей топка раскаляется и нагревает воду. Дым из топки самовара с помощью

приставной Г-образной трубы выводится в дымоход печи через круглое отверстие на её стенке.

В самоваре можно было при любой надобности быстро вскипятить воду (как теперь в электрочайнике). В нём заодно и яйца варили: по краю открытого самовара, вокруг трубы, натягивали марлю и укладывали в неё яйца; сверху марлю защемляли крышкой, чтобы яйца не свалились на дно.

Отдыхая после бани, подолгу, потея и утираясь полотенцем, гоняли чай из самовара вприкуску с сахаром. А самовары в больших семьях были вёдерные.

Не счесть, сколько здоровья и жизней в нашем лютном климате спасли за время своего существования русская печка и самовар; а как они экономили силы и время крестьянок, работающих в поле от зари до зари! Ведь из печки даже поздним вечером можно было достать тёплый чугунок со щами и накормить работников, а из самовара, не мешкая, напоить чаем.

Кашеварила у печки бабушка. Рано утром, пока она доила и выгоняла корову, дед приносил в дом хорошую охапку сухих ольховых дровишек. Убрав заслонку, он выгребал из печи вчерашнюю золу, остывшие угли и привычным образом закладывал в неё дрова. Ольха, к слову, даёт хороший жар и ароматный дым, недаром на ольховых опилках коптят и рыбу, и мясо.

Управившись с коровой, к печи приступала бабушка. Она

расставляла на шестке, перед печным окном, чугушки разного размера. Два самых больших заполняла мелкой картошкой – на корм поросёнку и курам. Ещё в один – закладывала свиную солонину и все остальные составляющие супа. (А супы у неё бывали разнообразные: и картофельный, и гороховый, и рассольник, и борщ, и кислые щи, и щи со сметками, и с молодой капустой – один вкуснее другого!) Заполненные чугушки доливала колодезной водой и рогатым ухватом на длинной ручке задвигала в печь. После того, как всё было расставлено в печи в нужных местах, она поджигала дрова и закрывала заслонку.

Когда дрова прогорали, ставилась вариться молочная каша (пшённая или рисовая) и топиться молоко в высоких кринках. Горячие угли при этом сдвигались в сторонку, чтобы молоко не убежало от сильного жара, а медленно и долго томилось, запечатываясь сверху (как и каша) вкуснейшей золотистой пенкой.

Одно могу сказать авторитетно: нет ничего вкуснее еды из русской печки!

Каждое утро мама или тётя Катя, по очереди, делали к завтраку плюшки с маком и пирожки с какой-нибудь начинкой. Я прибежала вовремя: на стол уже укладывался бывалый, промасленный лист фанеры, на него трусили мукой и вываливали из пузатого глиняного горшка вспученное тесто, которое с вечера замешивала на своей закваске бабушка. Из

теста катали длинную колбаску, намётанным глазом резали её на одинаковые части и, пока я неумелыми руками тискала на краю фанерки выданный мне кусочек теста, превращая его в серую резинку, хозяйка, орудуя скалкой, играючи, сооружала два противня пирожков и плюшек; в уголочке пристраивался и мой замученный уродец. С помощью кисточки из гусиных перьев пирожки смазывались растопленным сливочным маслом и немедля отправлялись в печь.

Пока пеклись пирожки, собирали на стол: доставали из буфета старенькую разномастную посуду, знакомую до каждой щербинки; приносили из холодного погреба домашнее сливочное масло и творог; вынимали из кипящего самовара сварившиеся яйца и осторожно, чтобы не обжечься паром, водружали самовар во главу стола. В большом фарфоровом чайнике заваривали «кофей» – смесь молотого кофе с цикорием и ячменём. Невзрачные картонные пачки с этим напитком продавались тогда в любой бакалейной лавке, и в деревне мы с большим удовольствием пили его по утрам, разбавляя горячим топлёным молоком.

Когда всё было готово, из печи доставали противни с размякшими пирожками и пышущие жаром кринки с топлёным молоком, в которых поверху, на толстой подушке сливок, пучилась золотисто-коричневая пенка необыкновенной вкусноты. Кусок этой пенки вместе со сливками было замечательно подцепить из кринки ухватистой деревянной ложкой и положить себе в кружку с кофеем.

Завтракали в главной комнате – светлой, с окнами на две стороны, заставленными геранью и бегонией. Стол стоял в переднем углу, под образами. Позади него, по двум стенкам, располагались широкие крашенные лавки со спинками, а спереди, при надобности, ставили старенькие венские стулья.

Дед с бабушкой неизменно сидели у самовара друг против друга, да и у всех остальных были за столом свои устоявшиеся места. Шуметь за столом не полагалось, правда, редко кто и отвлекался от вкусного завтрака, – все увлечённо ели горячие плюшки со сливочным маслом, тающим на глазах, и запивали горячим кофеем. Яйца мы непременно пробовали на прочность скорлупы, азартно стучаясь меж собой тупыми концами, – кто побьёт!

После завтрака опустевший самовар убирали со стола и на его место ставили тазик с горячей водой для мытья посуды. Меня, как младшую девчонку, быстро приспособили к этому занятию: я раздувалась от гордости, и мою должность намертво «вписали» в штатное расписание.

После завтрака мы могли бежать, куда душа пожелает, – главное, к обеду

вернуться вовремя. У нас была куча неотложных «дел», и везде надо было успеть. Летний день длился бесконечно, и к вечеру ноги гудели от усталости.

Выскочив из дома, мы первым делом «заруливали» на соседнее колхозное поле, где рос горох с овсом. Стебли овса

служили для гороха подпорками, чтобы тот не полегал. Но по детскому недомыслию в поисках гороховых стручков мы изрядно топтали посевы. Дед, узнав это, сильно ругал нас за потраву.

Набив запазухи молодыми стручками, мы, как саранча, припускались дальше, луща на ходу стручки и отправляя горошины в ненасытный рот. Да и чем только не заполняли мы свои животы постоянно: и ранними летними яблочками с весёлыми полосатыми бочками, и душистыми хрусткими огурцами; общипывали нарядные кусты красной смородины (взрослые не ели такую кислятину, пускали только на варенье); тащили в рот и пробовали стебли диких злаков, сладкие цветки клевера и пахучие головки ромашек, высасывали нектар из длинных висячих хвостиков дикого львиного зева. Очень любили молоденькие и мягкие щавелевые цветоносы – их называли столбунцами – пока бежишь куда-нибудь, целый пучок по дороге нарвёшь, – цветочные метёлки у них отрывали, оставляли одни «палки», с которых полосками снимали грубоватую кожицу и с удовольствием «зубрили»: вкус у них с кислинкой, но не такой грубый, как у листьев щавеля. Примечательно, что я до сих пор помню запах и вкус каждой травки из детства.

Бегая по округе, мы повсюду таскали с собой марлевый сачок на тонкой деревянной палке, которым ловили бабочек и другую летучую живность, складывая добычу в панамки. Однако, поскольку сачок постоянно был в деле, надолго его

не хватало.

Когда мы находили каких-то необыкновенных гигантских гусениц (на мелочь-то мы и внимания не обращали!) – прихватывали и их в качестве добычи, чтобы дома положить в стеклянную банку с листьями (в качестве корма) и посмотреть, кто из них вылупится. А гусеницы нам попадались разные: зелёные, серые, коричневые, пёстрые; встречались среди них и гладкие, и волосатые. По спинке волосатых гусениц в несколько рядов шли бугорки, из которых, как из одёжной щётки, торчали пучки жёстких щетинок. Заинтересовавшись, каким образом гусеницам удаётся при ходьбе не путаться в своих бесчисленных ножках, мы выяснили, что их гофрированное туловище прекрасно для этого приспособлено. Волной, сжимая и разжимая нужные участки своего тельца, они поочерёдно переставляют группы своих коротких ножек вперёд и таким манером довольно быстро передвигаются.

Ловили мы и кузнечиков, которые стрекотали в траве на все голоса и прыгали молниеносно и высоко как блохи. Сверчков приносить домой нам не разрешали: говорили, что они обязательно удерут и спрячутся за печку, где будут стрекотать всю зиму.

Бывало, нам попадались и «зелёные кобылки» – большущие кузнечики длиной в пол-ладони. Они имели страшные челюсти, и мы поначалу боялись брать их в руки, но потом приноровились: кидали на неё панамку, прижимали к зем-

ле и постепенно, отгибая края, вытаскивали эту страшилу наружу, крепко ухватив за сложенные вместе задние коленчатые ноги и лишая возможности двигаться, – тут-то её и рассмотреть можно было. У кобылки были длинные, торчащие вперёд усики, узкие крылья, прижатые к бокам, и хитиновый панцирь на спинке. Кузнечик ёрзал в руке, сверкал стеклянными глазами и угрожающе двигал челюстями, в которые мы пробовали вставлять травинку, чтобы испытать их «кусательную» силу. Но кузнечик, как мы ни старались, не желал потакать нам и грызть траву – все его усилия были направлены на то, чтобы вырваться из рук мучителей, а потом, стремительно отпрыгнув метра на три, спрятаться в густой траве от греха подальше.

Удовлетворив своё неуёмное любопытство, мы вприпрыжку направлялись вниз под горку, к старому деревенскому пруду, выкопанному в далёкие времена для водопоя скотины. Пруд продолжал исправно выполнять своё назначение, несмотря на то, что изрядно зарос осокой, стрелолистом и другой водяной «хряпой». Располагался он в кочковатой, истоптанной коровами низине, не имел крепких бережков и кишел пиявками, что делало посещение пруда для нас щекочущим нервы приключением. Выбрав подходящее место на бережку, мы вставали на колени и с замиранием начинали разглядывать кипящую над илистым дном прудовую жизнь. В воде егозило или размеренно передвигалось множество разнокалиберных обитателей: и водяные клопы,

и микроскопические ало-красные клещики, и мельтешащие во множестве личинки комаров, и стайки хвостатых головастиков, и медленные прудовые улитки с раковинами-катушками, прилипшие к стеблям. А по поверхности воды наперегонки скользили на своих салазках шустрые водомерки, вызывая у нас восторженную зависть. Над прудом барражировали разнообразные стрекозы, среди которых особенно выделялись небольшие стрекозки с ярко-синими крыльями. Но главными обитателями пруда были лягушки и пиявки. Лягушек мы давно не боялись, даже ловили их руками. В воде они сидели, выставив наружу свои выпуклые глаза-перископы, а при малейшей опасности – с шумом ныряли вглубь и расплывались в разные стороны, руля задними длиннопальными лапками.

А вот чёрные пиявки – это отдельная история! Мы трепетали от одного их вида, но любопытство перевешивало, и, с напряжением зависнув над водой, подолгу наблюдали за ними. Пиявки волнообразно струились в воде, сжимая и распуская длинные тела, а потом вдруг могли присосаться к какой-нибудь травине и съёжиться в толстую бесформенную кучку. Руку в воду опускать не хотелось, а о купании не могло быть и речи. Насытившись впечатлениями, да и время подходило, мы бежали домой обедать.

Лето часто выдавалось жарким, а поблизости от нас не было даже подходящей лужи, чтобы искупаться. Ходили мы за

четыре километра, на Волгу, и, конечно же, нечасто – это был почти настоящий поход на целый день. К нам присоединялись и деревенские ребятишки, – в результате собиралась целая толпа. Мама и тётя Катя собирали провизию: пирожки, крутые яйца, свежие огурчики, конфетки, бутылки с молоком; укладывали в сумки полотенца и подстилки; надевали лёгкие сарафаны.

Выбирая самый короткий путь, мы выходили на задворки деревни и напрямую, через ржаное поле, шли к лесу. По лесной дороге, поросшей нетоптаной муравой, добирались до накатанного просёлка, ведущего в село Семёновское.

Село было привольно разбросано над Волгой; в центре его возвышалась старинная белёная церквушка с остроконечной колокольней и погостом за ржавой оградой, заросшей сиренью. На этом погосте, под старыми полузабытыми крестами, лежало не одно поколение наших предков. Церквушка давно не действовала по назначению: в ней хранили зерно, и на дверях висел амбарный замок.

Предвкушая близкую цель, мы припускали вприпрыжку вдоль села, распугивая деревенских кур, отрешённо купающихся в горячей дорожной пыли. От неожиданности куры шумно взлетали из своих пылевых ванн и с истеричным кулдахтаньем разбегались в разные стороны, сверкая жёлтыми пятками. Редкие бабушки, сидящие на лавочках у своих домов, тоже, кажется, пугались незнакомой галдящей толпы. А кто-то с любопытством разглядывал нас из распахнутых

окошек сквозь пышно цветущую герань и простенькие тюлевые занавески.

Сразу за селом мы окунались в тихую небесную синеву волжских просторов. Белая дорога катилась вниз меж колхозных полей к заливным лугам, к реке. Сняв обувь, мы барабанили босыми пятками по горячей, утрамбованной до каменной крепости, колее.

Буйно цветущее разнотравье пойменного луга гудело пчёлами и шмелями – мёд можно было черпать из воздуха. Преодолев эти перегревшиеся духмяные заросли, мы наконец выходили к реке. Берег был высоким и обрывистым; на его крутом склоне, во множестве глубоких норок, гнездились ласточки-береговушки, которые, не обращая на нас никакого внимания, стремительно сновали туда-сюда, ловя на лету мошкару и таская свою добычу прожорливым птенцам, верещавшим в своих пещерках.

Постояв над обрывом и с удовольствием полюбовавшись величавым течением Волги, мама с тётёй Катей начинали располагаться на траве. А мы, дети, найдя проторенные спуски, кубарем скатывались с крутизны на узкий песчаный пляж.

По широкой синей реке, бликуя на солнце, катилась бесконечная череда невысоких волн, мерно шлёпая у размытой кромки берега. В песке валялись вороха отживших своё раковин-жемчужниц, отколотые зеленовато-бурые створки раковин светились изнутри нежным перламутром. Замечатель-

но пахло речной водой, подопревшими, выброшенными на берег, водорослями, мокрой глиной.

Мы с визгом носились по мелкой воде, боясь попервости окунуться целиком. Но уж когда забирались в воду, то купались до лязга зубов! Многие из нас не умели держаться на воде и пользовались для этой цели неизвестно кем и когда придуманным приспособлением – обычной бельевой наволочкой: уцепившись за открытые края мокрой наволочки, надо было размахнуться ею и, захватив внутрь как можно больше воздуха, шлёпнуть открытым зевом по воде, – получался большой квадратный пузырь. Щель наволочки быстро стягивалась под водой в пучок и закручивалась для герметичности. Плыли, зажав пузырь в одной руке, другой – гребли по-собачьи, всю молотя по воде ногами, – было очень весело! Мокрый пузырь хорошо держал плывущего на поверхности, но надолго его не хватало, и операцию приходилось часто повторять.

Мама с тёткой, разомлев на солнцепёке, тоже наконец-то решались освежиться. Будучи женщинами не худенькими, они по-тюленьи, кряхтя и сверкая нижним розовым бельём, сползали по сыпучим ступенькам вниз, к воде. Мама плавать не умела и страшно боялась глубины. Зайдя в реку по пояс, – дальше её было не сдвинуть, – она с напряжённым лицом осторожно приседала и, попыхивая, начинала орошать свои подпаленные плечи и спину прохладной водой. А мы как чертенята с визгом прыгали вокруг и хлопали в неё брыз-

гами, – она по-настоящему сердилась и шугала нас! Тётка же была посмелее и, худо-бедно, плавала по-собачьи. В воду она сразу заходила по грудь и, с уханьем окунувшись, ложилась «на курс». Плавала она беззвучно, смешно гребя перед собой руками. Её красная, зажаренная на солнце спина выступала над водой, и мы, озорничая, пытались забраться на неё, чтобы покататься на «плотике». Притопленная тётка отплёвывалась водой и незлобиво отпихивалась от нас.

Накупавшись до посинения, мы, дрожа, вылезали на крутой берег, сильно обвалываясь по дороге в песке. Но на горячем солнце быстро обсыхали, отряхивались и с удовольствием принимались уминать пирожки и хрустеть сочными огурцами.

Солнце начинало клониться к западу, когда после несчитанных заходов в реку мы наконец утомлялись. Уши до глухоты закладывало от попавшей в них воды – приходилось прыгать на одной ножке и трясти головой, чтобы избавиться от неё. Купаться больше не хотелось, да и обгорали мы на солнце до свекольного цвета, несмотря на то, что мама постоянно пыталась прикрыть наши плечи полотенцами.

Домой возвращались только к ужину. Тётка с матерью мазали холодной сметаной наши спины, горящие огнём, но помогало это слабо. Через день «огонь» проходил, а кожа начинала сходить клочьями, и спины неделю чесались и шелушились. И только баня да злая лыковая мочалка помогали избавиться от почесухи.

Дед топил баню каждую субботу, и с утра два старших (считай, уже взрослых) внука таскали ему воду из колодца. Колодец находился на соседской усадьбе и был один на всю деревню. Вода в колодце была холодная и замечательно вкусная – я до сих пор помню её вкус!

Рядом с колодцем стоял «журавль» – высокий столб с рогатиной наверху; в этой рогатине, на железной оси, качалась на две стороны толстая жердина. На одном конце жердины был закреплён груз-противовес, а на другом висел вертикальный шест с прицепленным ведром. Ухватившись за шест, опускали ведро в колодец и зачерпывали воду. Наполненное ведро с лёгкостью поднималось кверху за счёт груза на другом конце этих «качелей». С помощью такого «журавля» любая слабосильная девчонка могла вытащить из колодца ведро воды – что я, бывало, с удовольствием и делала – труднее было перебежками дотащить его до дома!

Старая банька стояла на задворках, в самом конце огорода, брёвна её поседели и растрескались от солнца и дождей, дранка на крыше встопорщилась. Банька, тем не менее, была вполне исправной, чистенькой, пропахшей дровяным дымком и берёзовыми вениками. Из узкого предбанника вела низкая дверь в темноватую, с небольшим окном, мыльную. В мыльной, слева от входа, стояла печка с замазанным в неё большим чугунным котлом и каменкой; на раскалённую ка-

менку плескали воду из ковша, когда парились. Справа, под окном, располагалась широкая деревянная лавка для мытья, за много лет отбеленная и отполированная мыльными задками до шёлка. У глухой стены, против входа, был пристроен высокий парной полоч. Парился у нас обычно только дед, шёл он в натопленную баню первым, пока она была горячей и сухой, и пока никто ещё не «надрызгал» повсюду воды. За дедом шли старшие внуки, а за ними – дочери. Ну а бабушка жары не любила и мылась после всех – в почти остывшей бане.

Мать сначала по очереди мыла нас с братом: лыковой мочалкой скоблила обгоревшие на солнце и зудящие от сходящей шелухи спины, тщательно промывала головы, стригла ногти и наконец, окатив чистой водой и накрыв простынёй, отправляла в дом. После нашего ухода к ней присоединялась тётка. Усевшись на лавки, они с долгожданным удовольствием опускали уставшие ноги в шайки с горячей водой – парить загрубевшие пятки. Посидев так немного, лениво перебрасываясь словами, они неспешно переходили к мытью. Тщательно тёрли друг другу спины, мыли головы. Мама добавляла в таз с водой ковшик щёлока – настоя печной золы, мыльного и шёлкового на ощупь, – считала, что никакое мыло так хорошо не промывает волосы. Возможно, эта привычка осталась у неё с военных времён, когда мыло было редкостью. Со щёлоком она всегда замачивала и посеревшее постельное бельё.

Когда бабушка самой последней возвращалась из бани, закат уже заливал горячим золотом комнату с клубящим самоваром на столе. В фигурных серебряных боках самовара жарко плавилась куски заходящего солнца. Садись ужинать и пить чай, – бабушка сразу начинала с последнего. Сидя рядом с самоваром, – раскрасневшаяся, в чистом белом платочке, – она, не торопясь, с очевидным удовольствием, выпивала подряд несколько чашек свежего чая вприкуску с сахаром, который мельчила специальными щипчиками. Были на столе и варенья – смородиновое и яблочное, простенькие конфетки – карамельки и подушечки, пряники и печенье. Дети, поставив подбородки на стол, хлюпали горячий чай прямо из блюдца: хороших манер особо не придерживались – не званый обед – за столом все свои.

Когда нам с братом Колькой исполнилось лет по десять-одиннадцать, мать стала отпускать нас иногда рыбачить на Волгу одних (в те времена к этому относились проще). Но была бы река рядом – уж точно торчали бы мы на рыбалке целыми днями. Рыболовами мы были азартными и до глупости неумными: часами могли вожделенно смотреть на неподвижный поплавок в ожидании чуда. К сожалению, секретам мастерства учить нас было некому, и снасти мы мастерили по собственному разумению – с расчётом, конечно же, на крупную рыбу: крючки выбирали большие; леску – толстую; грузила – тяжёлые. То есть делали всё, чтобы ры-

ба сразу разглядела «засаду» и не захотела даже близко подходить. Только неопытные мальки время от времени пощипывали под водой кончики болтающихся на крючках смачных червяков-великанов, накопанных нами в богатой навозной куче, мелко подёргивая при этом поплавок и держа наш азарт в тонусе. Уловы обходили нас стороной: дай бог кошке принесём мелочи с десятков.

Но об одной нашей рыбалке я расскажу особо, хотя вовсе не уловом она запомнилась мне на всю жизнь.

В тот день, по слёзной просьбе, мама разбудила нас с рассветом. По-щелячи дрожа от утреннего озноба, мы с трудом выбрались из постелей, но охота – пуще неволи! Наскоро позавтракав парным молоком со вчерашними пирожками, мы взяли удочки, банку с червями, котомку с едой, заботливо собранную мамой, и торопливо выскочили из дома. Уже на ходу, наблюдая стремительно светлеющее небо, поняли, что не успеваем мы, как ни торопись, на «бешеный клёв на утренней зорьке», о котором читали в разных книжках, – ради которого и вставали-то в такую рань! Так оно, конечно, и получилось. Пока мы трусили по сумрачному лесу, пропитанному с ночи влажными мшистыми запахами, над головами принялись верещать птицы, а верхушки сосен загорелись печным светом.

Выскочив на опушку, мы невольно затормозили, поражённые неожиданной, не виданной ранее, красотой! Перед нами из-за горизонта вставало солнце, и его лучи уже скользили

по тучным некошеным лугам, седым от обильной росы. Мириады капель, осевших на траве, в разноразной подрагивали, слезились и переливались в этих лучах чистейшими бриллиантами, готовыми вот-вот испариться и кануть в лету. В низине, среди ключев расползающегося тумана, паслись коровы, а дальше, по лёгкому взгорку, разбегалась деревня, курящая ранними печными дымками. Белая церквушка, торчащая над селом, малиново румянилась одним боком. Во дворах по очереди звонко голосили петухи. И вся эта немислимая красота предназначалась нам с Колькой!

Спрямяя дорогу, брели мы по мокрой траве, сшибая седую росу и оставляя за собой тёмные борозды. Горячий восход слепил глаза и обещал жаркий день.

Спрямяя дорогу, брели мы по мокрой траве, сшибая седую росу и оставляя за собой тёмные борозды. Горячий восход слепил глаза и обещал жаркий день.

За селом, на косогоре, мы снова замерли от восторга: внизу, над Волгой, повторяя все её изгибы, ползла змея розового, светящегося изнутри тумана. Мы добежали до берега и спустились к воде. Над рекой, в густом тумане, один над другим висели два ослепительных солнечных диска; отраженный – колебался и подрагивал на невидимой речной волне, посылая в нашу сторону дорожку сверкающих золотых скобочек. Мы заврожено наблюдали, как бегущий туман рвётся и тает под горячими лучами.

Солнце поднималось, и скоро туман исчез без следа; уве-

ренно и жарко заступил молодой день.

...В тот день, простояв много часов с удочкой на солнце-пёке, я заработала солнечный удар. Всю следующую ночь я металась в жару и бреду, продолжая неотвязно следить за поплавком, не уходящим из воспалённого мозга, а мама сидела рядом и меняла мокрые полотенца у меня на голове...

В конце июня по обочинам, по солнечным взгоркам начала поспевать земляника – большое девчачье удовольствие! Первые однобокие ещё ягодки мы срывали с веточками, собирали их в букетики и тащили маме. Мама, испробовав наши дары, конечно же, чмокала языком и жмурилась от удовольствия.

Но в один прекрасный день вдруг обнаружилось, что на земляничную поляну ногой ступить негде, – всё было красным красно от спелых ягод! Начиная с краёв, мы кропотливо обирали урожайное местечко, складывая ягоды в пол-литровые банки. Банки быстро наполнялись и источали чудесный аромат, и мы постоянно совали в них свои носы!

Очень я любила малину, но у бабушки в саду было её мало – даже поесть не хватало. Пришлось мне, когда настало время, взять корзинку и бежать в лес на разведку. Надо было идти вглубь, на лесные дороги, где, как я помнила, по обочинам рос малинник. Но уже на опушке я остановилась – сердечко моё ёкнуло: кое-где их густых зарослей ольхи дуга-

ми свисали малиновые ветви, увешанные спелыми ягодами. Я кинулась к ним с радостным писком. Быстро покончив с первой находкой, стала продираться дальше через ольшаник и напрямик выпросталась на солнечную поляну, заросшую роскошным тёмно-зелёным малинником, гнущимся от тяжести ягод. Дух мой захватило: минуту-другую я ошеломленно ахала, охватывая глазами нежданное богатство, – страшно было портить такую красоту! Осторожно развернув одну из веток белой изнанкой листьев кверху, я залюбовалась тяжёлой гирляндой ягод, похожих на красные вязаные шапочки с торчащими из каждого рубинового зёрнышка шерстинками. Малина была спелой, бралась легко, а на ветке при этом оставались многочисленные беленькие конусы плодоножек.

Там же меня ожидал ещё один удивительный сюрприз: я наткнулась на куст невиданной мною прежде жёлтой малины – изысканно-красивой, с особенным тонким вкусом.

Малинник я всё-таки основательно потрепала, натоптав в нём ходов, – да и как иначе? Зато принесла домой целую корзину душистой лесной малины, немало удивив всех домашних.

Ходили мы с подружками и за черникой, но сбор черники – занятие кропотливое и скучное: ползаешь по черничнику, поминутно заглядывая внутрь гулкого бидона, прикидывая, сколько же ещё осталось до верха. Однажды собирали мы так чернику, а ягоды было мало, и дело шло совсем

медленно, видно, кто-то уже прошёлся по этим местам. После безрезультатных блужданий и поисков, энтузиазм у нас совсем пропал, да и есть захотелось, – плюнули мы на всё и стали выбираться на опушку. И вот тут-то свершилось чудо: на самом краю леса наткнулись мы неожиданно на черничник, сизый от нетронутых ягод. Глаза у нас загорелись, лень испарилась, ведь с такой щедрой скатерти-самобранки ягода сама в корзинку прыгает! Домой мы в тот день вернулись с полными бидонами отборной черники.

Долгой жизнью проверено, что этакое чудо нередко случается на выходе из леса, – даже подчас думаешь, что «кто-то» специально делает тебе напоследок такой вдохновляющий подарок и радуется вместе с тобой!

Лето катилось своим чередом, даря нам всё новые радости: начинался сенокос. Утром по росе, когда трава хорошо берётся, дед ходил косить, а днём мать с тёткой несколько раз бегали ворошить сохнувшее сено лёгкими деревянными граблями, чтобы к вечеру, уже готовым, собрать его в копёнки. Если случался неожиданный дождь – сено приходилось досушивать по нескольку дней, прикрывая копны брезентом и дожидаясь солнечной погоды.

Самое для нас интересное происходило, когда дед с помощниками начинали возить сено домой на старой колхозной лошадёнке. Высоченный воз сгружался под распахнутым настезь сеновалом, и мужики принимались вилами

забрасывать сено наверх. Сено было лёгким, воздушным, пестрело высушенными полевыми цветами, пахло чабрецом, солнцем, летом. Мы с визгом, кидались в духмяную копну, рискуя попасть под вилы, – на нас покрикивали, но радости нашей не было предела!

В разгаре был сенокос и в колхозе. С нашего холма мы наблюдали, как деревенские бабы в белых косынках, сдвинутых на лоб, и мужики в косоворотках слаженно метали громадные стога. Они аккуратно распределяли и утаптывали сено наверху, граблями очёсывали стог по бокам – чтобы ветер потом не зацепил и не растрепал, чтобы дожди не смогли промочить глубоко, иначе сено от сырости «загорится» внутри и сгниёт.

В первой половине августа установилась такая жара, будто бы лето разом кинуло в печку все оставшиеся дрова. Небосклон был затянут мутной пеленой, в которой висел раскалённый добела солнечный диск. Сильный ветер носил запахи вздымаемой дорожной пыли, высохшей полыни, сена. Листва загрубела, утратила свой молодой блеск. Трудно было поверить, что совсем скоро подберётся сырая предосенняя прохлада.

По ночам где-то далеко, обходя нас, шли грозы – беззвучные всполохи непрерывно сверкали на горизонте. Поспела рожь, шла жатва, и дожди были ни к чему. Колхозный ток, где зерно чистили, сушили, рассыпали по мешкам, грохотал

круглые сутки. Гул работающих механизмов раздавался далеко по округе и особенно был слышен ночью, когда стихали все дневные звуки. Влекомые любопытством, мы бегали смотреть, как идёт работа. Ток был устроен под высоким напором: на большой площадке возвышалась необъятная сыпучая гора зерна, тут же громыхали и лязгали оснащенные высоким бункером и транспортёром механизмы. С их помощью, не помню уж теперь, в каком порядке, зерно тряслось, веялось, сушилось, сыпалось сверху, вздымая несусветную пыль. Бабы орудовали деревянными лопатами, мужики грузили и таскали мешки. Оглушённые, мы стояли в сторонке, наблюдая за процессом.

Наконец-то и до нас добралась гроза. Началось всё неожиданно: быстро заволокло небо, коротко сверкнула молния, и через секунды заворчал, загромыхало вдали. Скоро налетел бешеный ветер и принялся истоиво клонить и размётывать высокие кроны старых придорожных вётел. Полетели ветки, листья; стаи орущих галок смело с деревьев. Зашлёпали первые капли, но мы уже видели, как издали на нас с шумом надвигается сплошная стена ливня. Молнии били уже где-то близко – от раскатов грома закладывало уши. Нас распирали восторг, смешанный с ужасом, – мы с визгом бежали в дом, а мама, опомнившись, в спешке срывала с верёвки взлетающее к небу сухое бельё.

Грозы шли одна за другой. Сразу спала жара, воздух очистился от пыльного марева, всё вокруг посвежело. Тут и грибы появились. А как пошли грибы – так меня из леса уже не вытащишь!

Ближний наш лес был хоть и не очень большим, но весьма разнообразным. Имелись в нём и ольховые заросли, и густой ельник, и высокий чистый осинник, и настоящая «шишкинская» сосновая роща. Поэтому и грибы в нём родились самые разные, ведь каждый гриб растёт под своим любимым деревом. Мама моя, страстная любительница сбора грибов, очень рано обучила меня всем премудростям этого дела. Уже лет в десять, если не было компании, я без страха бегала в лес одна.

После обильных и тёплых дождей первыми выскакивали любимые мною подосиновики – крепенькие, похожие на игрушечных человечков с плотно нахлобученными красными шапочками. Их у нас так и называли – красноголовиками. Если ты пропустил в траве такого малыша, то на следующий день находил уже подростка в заливхватски развёрнутой шляпке, а ещё через день-два гриб превращался в большого, взрослого «дядю» – как правило, уже червивого.

В корзинку шли все знакомые грибы: белые, подберёзовики, маслята, сыроежки, лисички. Но больше всего ценились белые. Дома, разбираясь с добычей, их откладывали в сторонку и непременно пересчитывали. Очень любила я собирать лисички, выковыривала изо мха даже крошечные гвоз-

дики.

Придя домой, мы с повторным азартом усаживались чистить добычу: можно было снова полюбоваться каждым грибом и обсудить, в каком месте он был найден. С гриба сметался лесной мусор, соскабливалась земля с ножки, экономно обрезалась чёрная пятка. У сыроежек и маслят обязательно снимали плёнку со шляпки. Потом грибы мыли и резали на дольки – и вот тут-то выяснялось, что в некоторых красавцах уже имелись червоточины. Это вызывало разочарование, и попервости я даже пыталась вырезать из гриба нетронутые кусочки.

Ежедневно, пока не надоедало, жарили к обеду грибы с лучком и сметаной. В жарёху шли все грибы подряд, и от этого она получалась особенно вкусной!

Август шёл к концу, солнце ослабло, и лето в какой уже раз сменило все свои ароматы: появились запахи отавы и отсыревшей стерни, остро пахла преющая в кучах картофельная ботва. В огороде на полысевших грядках ещё росли огурцы, дозревали последние помидоры на обвалившихся кустах, красовались высокие укропные зонты, но по утрам уже совсем по-осеннему стелились по траве седые от росы косынки паутины. Да и повсюду, куда ни глянь, уже витала неуловимая предосенняя грусть.

Пришла пора уезжать в город...

Граня

Каждый день всех домашних коров в деревне гоняли на пастбище вместе с колхозным стадом. С утра до вечера бабушкина Малютка в большой пёстрой компании щипала сочную духмяную траву, перерабатывая её в витаминное молоко. В полдень, к дневной дойке, пастух подгонял стадо к дороге, устраивался в тенёчке и доставал из своей торбы немудрёную снедь. Коровы, к этому времени уже с полным выменем, ложились в траву отдыхать и перетирать свою жвачку, лениво отмахиваясь хвостами от назойливых слепней. Из деревни начинали подтягиваться хозяйки с подойниками. Колхозная лошадёнка подвозила телегу с громыхающими на ухабах пустыми бидонами и с голосистыми доярками, кое-как пристроившимися по её краям, свесивши ноги.

Доить нашу Малютку обычно ходила тётка Катя, моя крёстная. Тётка давно жила в Москве, где успешно набралась столичных замашек и даже приобрела некий «лоск». Мама моя называла её «фик-фок на один бок». Была она полной, но статной, с тяжёлым узлом тёмных волос на затылке; любила нарядные крепдешиновые платья, которые всегда были складно, по фигуре, сшиты и очень ей шли. В деревне, по жару, она носила сарафаны из светлого весёлого ситчика (тоже складненькие) и соломенную шляпу с полями. Тётка обладала быстрым властным умом и необъяснимой притя-

гательностью для всех: при её появлении исчезала монотонность, всё вокруг оживлялось будто бы в ожидании каких-то небывалых новостей, приобретало смысл и интерес. Я любила поваляться с ней в тенёчке на расстеленном под старой ветлой одеяле, выпрашивая сказку, на которые она была мастерица, и почёсывая ей в знак благодарности спинку. Тётка поощряла мои почесывания блаженными охами, закрывала от удовольствия глаза и скоро, бормоча какую-нибудь завлекательную для меня ерунду, начинала засыпать, а я непрерывно теребила её и требовала продолжения.

Доить корову на дальнее пастбище тётка Катя ходила в основном ради прогулки – «моциона», как она говорила. Надевала сарафан, повязывала белый платочек (в шляпе с широкими полями под корову не полезешь), обвязывала подойник марлей, чтобы не нашоркать в него по дороге мусора с высокой травы, прихватывала чистую тряпку с вазелином – обтереть и смазать корове вымя. Шла она напрямую, через поле, под стрёкот кузнечиков и гуденье пчёл, наслаждаясь сиюминутным покоем и окружающей прелестью. Корову доила Катя ловко, по-бабьи, хоть и жила давно в городе. Да и всё, что она делала, несмотря на присущую ей ленцу, делала ловко, играючи.

Возвращалась она с дойки раскрасневшаяся, с успевшими подпечься на солнце спиной и руками, с выбившимися из-под съехавшей косынки волосами. Отдав бабушке подойник с молоком, садилась на лавочку перед домом отдышаться.

Однажды вернулась тётка домой без платка на голове. Кликнула нашу ватагу, играющую неподалёку, и загадочно улыбаясь, осторожно выложила на скамейку свёрнутую конвертиком косынку. Мы тут же окружили её и с интересом вытянули шеи. Когда кулёчек был развёрнут, все остолбенели от неожиданности: на платке лежало крохотное, с детский мизинчик, голенькое дрожащее существо. Оно вяло шевелило растопыренными лапками с малюсенькими пальчиками. Носик у существа был морковочкой, а под ним, в непрерывно раскрывающемся ротике, слюнявился розовый язычок, глазки же были смежены, как у новорожденного котёнка. Мы боялись дотронуться до него и от возбуждения стали прыгать вокруг тётки, дёргая её за юбку: «Кто это?! Ну кто это, тётя Катя?!» Розовый червячок с лапками и слюнявым язычком оказался новорожденным ежонком. Возвращаясь домой с дойки, тётушка шла по пастбищу и наткнулась на раздавленную коровьим копытом ежиху, вокруг ежихи валялись несколько новорожденных ежат, среди которых один оказался живым, – его-то тётя Катя и принесла домой, завернув в платок. После тёткиного рассказа мы загрустили, у кого-то даже слеза навернулась. Однако скоро мы отвлеклись от горя и стали активно помогать тётке обустроивать несчастную сиротку. Первым делом нашли маленькую драночную корзиночку и сделали в ней мягкую постельку из ваты. Потом решили, что ежонку надо дать имя, и тётя Катя резонно заявила, что для этого надо узнать – девочка это или мальчик.

Она ловко подхватила на ладонь бедную кроху, перевернула её кверху животишком и, осторожно растопырив ей задние лапки, стала изучать «анатомию», а мы замерли в ожидании вердикта. Анатомию эту надо было рассматривать в микроскоп, не иначе. Не разглядев ничего невооружённым глазом, тётушка заявила, что, скорее всего, это девочка (и, как оказалось потом, не ошиблась). Мы загалдели и с энтузиазмом, кто во что горазд, начали перебирать девчачьи имена. А имя всё-таки дала тётя Катя, сказав: «Пусть будет Граней!» И мы не сразу, но согласились – с тёткой не поспоришь – Граня, так Граня.

Тётка разыскала в жестянке с лекарствами засохшую пипетку, промыла её как следует и приступила к кормлению «младенца», а уж в этом она была докой: даром, что ли, девчонкой в няньках сидела, да и двух своих мальчишек вырастила? Бережно зажав крошечного ежонка в руке, тётя Катя опустила кончик пипетки в рюмочку с парным молоком, набрала чуточку и осторожно выдавила одну капельку в его разинутый ротик. Затаив дыхание, мы наблюдали за процессом. Бедный детёныш сморщился от неожиданности, закрутил лапками, беззвучно зашамкал и выпустил всё с пузырями назад. Тётка переждала чуточку, пока ежонок очухается, и повторила операцию – пузырей уже не было, но справиться с каплей молока, которая заполнила его открытый ротишко, бедняга никак не мог: он двигал туда-сюда язычком, пытаясь избавиться от помехи. Но природа, видимо, взяла своё, и мо-

лочко вдруг провалилось внутрь его горлышка. «Проглотил! Проглотил!» – завопили мы. Третьей каплей детёныш уже смешно и неумело чавкал – быстро распробовал, голод-то не тётка. Четвёртую каплю он, наверное, ждал, но тётя Катя больше не дала, сказав, что это может плохо кончиться для такой крохи, пусть сначала усвоится то, что попало в желудочек. Мы страшно расстроились, что ежонок остался голодным, но тётка знала, что делала, и пришлось нам смириться. Новоявленная Граня была уложена в корзиночку, на ватку, под тёплую фланелевую тряпочку.

Каждый час тётя Катя доставала ежонка из корзинки и выдавливала ему в ротик несколько капель молока. Дело пошло на лад, и Граня, совершенно очевидно, стала ждать каждой следующей кормёжки. Оказавшись в тёплой тёткиной руке, она начинала дрожать от нетерпения и шарить по воздуху разинутым ротиком. Получив отмеренную каплю, Граня не успокаивалась, тянула мордочку за следующей, нетерпеливо скребя передними лапками по тёткиным пальцам.

Когда ежишко первый раз «испачкал пелёнку», мы поняли, что – ура! – молочко усвоилось! Постепенно тётушка стала увеличивать ему порцию, а кормить стала реже.

Каждое утро мы начинали с того, что с нетерпением совали носы в корзинку, чтобы узнать, как там Граня переночевала, что у неё новенького? Голенький «зародыш» буквально за три дня преобразился: выпустил иголки, спрятанные при рождении под кожей, – сначала белые и мягкие, а по-

том и тёмные, настоящие. Всё говорило о том, что ежонок не испытывает никаких лишений и хорошо усваивает коровье молоко: рос он просто на глазах. Пипетку скоро заменили стеклянным пузырьком с резиновой соской, которую Граня с упоением чмокала, захлёбываясь от жадности и пуская белые молочные пузыри через нос. Недели через две она и глазки раскрыла – две блестящие бусинки – как мы обрадовались! А уж к третьей неделе она превратилась в настоящего ёжика, только пока ещё маленького, с небольшое куриное яйцо.

Как все малые детки Граня поначалу много спала и просыпалась только от голода. Граня любила поесть – а мы и рады стараться! Размочили как-то кусочек булки в молоке и подставили блюдце ей под нос, но она привыкла пить молоко из бутылочки и не поняла, чего мы от неё хотим. Пришлось ткнуть её мордочкой в тюрю – Граня смешно зафыркала, сморщилась и отвернулась. И только после нескольких попыток развернуть её к блюдцу она перестала упрямиться и с осторожностью лизнула размоченную булку. Так Граня научилась есть по-взрослому, и булочка ей очень понравилась! С тех пор мы для сытности всегда кормили её этой тюрей.

Граня привыкла к нашим рукам. Мы не давали ей покоя: постоянно вытаскивали из корзинки, рассматривали и умилялись на её чёрненький кожистый носик, смышлёные, как нам казалось, глазёнки, маленькие, заросшие шерсткой ушки, толстый мягонький животик.

Скоро драночная корзинка, которая была Граниным гнёздышком, стала ей мала – особо не развернёшься, не подвигаешься. Корзинку заменили старым фанерным ящиком, который разыскали на чердаке. Ящик вынесли на улицу и расположили под скамейкой, стоящей перед домом. Скамейка была широкой, сколоченной из толстых реек и имела удобную изогнутую спинку. За ней росла пушистая рябина, создававшая благодатную тень отдыхающим. Понятно, что на этой лавке целый день кто-то толкался: и мы, дети, со своими игрушками, и взрослые постоянно присаживались отдохнуть, поболтать. Скамейка была центром нашей уличной жизни, поэтому и оказалась самым подходящим местом для устройства Граниного домика. Проснувшись, мы первым делом неслись на улицу, плюхались на лавку и вытаскивали из ящика тёплую, оторопевшую от сна, Граню.

От хорошего питания Граня росла как на дрожжах и становилась очень смышлёным ёжиком. Мы стали выпускать её на травку погулять и с интересом наблюдали за её перемещениями. Далеко она не уходила и всегда возвращалась назад. Однажды её впервые увидела наша кошка-охотница Мурка; опасливо подойдя к ежонку, она обнюхала его и осторожно, пару раз, тронула мягкой лапочкой. Мы стояли начеку! Но Граня не испугалась, не растопырила иголки – она ещё не умела бояться. Мурка потопталась вокруг и, удовлетворив любопытство, убежала по своим делам, не считая ежонка подходящей дичью.

Когда стало понятно, что Граня далеко не убежит (да и кто уйдёт от сытной кормушки?), было решено закончить её заточение в ящике и соорудить из него нечто, напоминающее собачью будку. Ящик был перевернут дном кверху, а внизу, у самой земли, было вырезано окошечко – вход в домик. Граня быстро поняла, что ей предоставили самостоятельность, и стала подолгу гулять, когда ей этого хотелось. Она исследовала местность, нюхала что-то в траве, ходила по кругу, который постепенно увеличивался, но к обеду всегда как штык возвращалась к своей будке: биологические часы у неё были очень точными. И если площадка её к этому времени оказывалась пустой (а голода Граня не терпела) – она начинала злиться, бегать за всеми и покусывать за голые пятки – что означало: «Дайте же, наконец, поесть! Совсем про меня забыли!» После обеда Граня, ковыляя с раздувшимся животом, надолго удалялась в свою опочивальню.

Но однажды она не вернулась домой ни к обеду (что было само по себе немислимо), ни к вечеру. Все деревенские ребятишки, узнав эту новость, помогали нам искать её. Мы бегали по закоулкам, огородам и канавам и звали Граню, надеясь что она услышит наши голоса и найдёт дорогу к дому. Но она так и не появилась. Собравшись у лавочки, мы жарко обсуждали ситуацию: «Ну что же могло случиться? Ну не решила же она уйти от нас в лес? Да она умрёт там с голоду!»

Когда Граня не вернулась ни на следующий день, ни через два дня, стало ясно, что она попала в какую-то беду, да и

жива ли она вообще? Ведь она была совсем ручной, не умела обороняться, даже в клубок никогда не сворачивалась. А ведь в деревню часто наведывалась лиса и совсем недавно утащила бабушкину курицу, когда петух увёл свой гарем пасть за околицу, – только перья потом нашли в кустах.

И вот, дня через три-четыре, когда надежда совсем пропала, кричит нам от своего дома соседка: «Бегите сюда скорее, ваша Граня нашлась!» Мы кинулись к ней с радостными криками «ура!». Фрося провела нас в свой огород за домом, к большой яме с отвесными краями, вырытой для посадки яблони. Мы встали на коленки и заглянули в неё: на голом песчаном дне неподвижно сидела наша Граня – и не одна. Рядом с ней притулился крошечный дрожащий мышонок с голубоватой шерсткой и круглыми, как у Микки Мауса, ушками. Вместо одной мы обнаружили двух горемык! Граня не сразу, но услышала нас и задвигалась. Пришлось сползти в яму на задней точке, чтобы извлечь обоих узников из западни. Мышонка мы унесли подальше от места злключения и отпустили в траву, а исхудавшую Граню потащили домой поить-кормить!

То, что голодная Граня, сидючи несколько дней в яме, не сочла возможным слопать маленького мышонка, было неудивительно: она и не подозревала, что мышонок – это потенциальная «еда». В своей жизни она знала только тюрю из булки с молоком. Так и сидели два голодных страдальца бок о бок, пока их не нашли.

Мы забеспокоились: что же будет, когда в конце лета придётся отнести совершенно неприспособленную к самостоятельной жизни Граню в лес? Забрать ежа на зиму в город мама не разрешала категорически, и мы давно потеряли надежду уговорить её. Посовещались и решили познакомить Граню с «естественными» продуктами – теми, что она сможет сама найти или выловить в лесу, ведь каждая мамаша в дикой природе учит своих детёнышей, чем питаться, как не пропасть одному. Поймали мы в траве самого маленького лягушонка и стали совать его Гране в рот. Она долго уворачивалась от предлагаемого угощения, но мы пересилили, и у неё, наконец, прорезался природный инстинкт: она ухватила лягушонка зубами, стала чавкать и заглатывать его, но, как говорится, номер не прошёл – Граню с непривычки тут же и вывернуло. Мы пожалели и ежа, и лягушонка и больше к этим опытам не возвращались.

К концу лета, на хороших кормах, Граня превратилась в упитанную ежиху. Мама требовала, чтобы мы отнесли её в лес до холодов, пока ещё там можно найти пропитание и освоиться. В один «прекрасный» день мы со слезами положили Граню в корзинку и потащили в лес. Граня беспокоилась, крутилась в корзинке, будто предчувствовала что-то неладное. После долгого хождения вдоль опушки мы нашли уютную полянку, поросшую мягкой травой, с замшелым пеньком посередине. Под пеньком, между гнилушками корней, зияла глубокая щель, которая, как мы оценили, мог-

ла бы стать новым убежищем для ежихи. Вытащив растерянную Граню из корзинки, мы по очереди расцеловали её в чёрный носик, опустили в траву и, хлюпая носами, бросились прочь, словно боялись, что она станет догонять нас.

Это невероятно, но через неделю Граня вернулась домой, к своей скамейке. Как она нашла дорогу из далёкого леса? Этого она не рассказала. Скорее всего, ориентировалась на едва уловимый, приносимый ветром, родной запах деревни. Мы не узнали Граню, настолько она изменилась: сильно похудела, заметно уменьшилась в размерах, стала пугливой. От каждого нашего резкого движения подпрыгивала и сворачивалась в колючий шарик, издавая глухое тарахтение: «Тук-тук-тук-тук-тук...», – видно, кто-то уже не раз её напугал. Мы целый день возились с бедолагой: кормили-поили и вновь упрашивали маму забрать Граню с собой в город, но та была непреклонна. Пришлось, скрепя сердце, снова отнести её в лес.

Через день мы уехали в город, а Граню в деревне больше не видели.

Как маленький Егорка заговорил

В то лето мы как всегда отдыхали в деревне у бабушки с дедушкой. А наша московская тётушка Катя впервые привезла к ним своего маленького внука Егорку. Егорка был очаровательным карапузом полутора лет, и я, в то время девочка-подросток, впервые в жизни подержав на руках младенца, прониклась к нему прямо-таки материнскими чувствами, неизвестно откуда взявшимися в столь юном возрасте: нянчила, баюкала его, играла с ним, когда позволяли. Помню, затаив дыхание, берегла его сон, сидя рядом и боясь пошевелиться, любуясь на него, как на ангела.

У тётки Кати Егорка был первым внуком, и она, будучи всегда сумасшедшей мамашей, стала теперь сумасшедшей бабкой. Егоркину мать, свою невестку, она считала ленивой, непутёвой хозяйкой, которая держит мужа на одних макаронах, а маленького Егорку – на манной каше, от чего они только без пользы толстеют. Поэтому, взяв ребёнка на лето в деревню, тётка Катя поставила перед собой санаторно-курортную задачу откормить его впрок здоровой, натуральной пищей.

Вопреки вольному течению дачной жизни, тётка незыблемо соблюдала для внука четырёхразовое питание по часам и обязательное парное молоко на ночь. У бабушки с дедушкой была своя корова, и на завтрак любящая тётка Катя намешивала

вала внуку приличную плошку свежего творога со сливками и наливала чашку молока. Кормила его всегда сама, с ложки, чтобы он ничего не растерял по дороге и съел всё, что она положила в тарелку. Она не приучала его есть самостоятельно – так ей было легче и быстрее справиться со своей основной задачей.

После завтрака надо было почти сразу готовиться к полднику, и тётя Катя бежала с чистой пол-литровой банкой на другой конец деревни за ягодами к соседке, которая выращивала клубнику («викторию», как тогда называли), – покупала, как говорится, с куста. Ягоду она давала Егорке с молоком.

На обед тётка Катя готовила для него наваристый суп из деревенского цыплёнка с картошечкой и морковкой. Вытащив из кастрюли кусок куриной грудки, она мелко крошила её ножом, перетирала вилкой вместе с крутым желтком, сливочным маслом и картошкой из супа. Тюрю эту заливала горячим бульоном. Казалось, для «пользы» она могла бы и от себя отрезать кусочек. Кормила ребёнка как рождественского гуся – килокалории зашкаливали! Маленький Егорка наедался со второй ложки и переставал глотать пищу, она скапливалась у него за щеками, пока могла держаться во рту, а потом самопроизвольно вылезала на грудь. Но это не останавливало любящую бабу: с шутками и прибаутками, с помощью мелких хитростей, на которые она была мастерица, тётка обводила бедного Егорку вокруг пальца и впихивала

оставшуюся смесь в его желудок. Да он и возразить-то ей никак не мог, поскольку говорить ещё, кроме «мама» и «баба», ничего не умел.

Скоро Егорка любой приём пищи стал воспринимать с отвращением и старался от него вовсе увильнуть: он отворачивался от тарелки, дрыгал ногами и руками, сползал со скамейки – то есть делал всё, что было в его силах. Однако добрая бабуся не мытьём, так катаньем добивалась своего. Егорка толстел на глазах.

Как-то знойным днём мы всей семьёй сидели за столом, обедали. Мать и тётка были в сарафанах; все раскраснелись от жары и горячего супа. Тётя Катя, как всегда с фокусами, кормила Егорку. Бедный ребёнок изнывал и от жары, и от попытки едой. И вдруг (видно было, что терпение его окончательно лопнуло) он отпихнул рукой ложку, которую тыкали ему в рот, и на весь стол крикнул с мольбой в голосе: «Госпиди! Да не хочу я больше!» Все сидящие сначала онемели, а потом одновременно захохотали. Егорка засмутился и уткнулся перемазанной мордахой в мягкий бок бабу Катя. Тут все начали тормозить и хвалить его, а он из-под бабкиной подмышки недоверчиво смотрел на всех одним глазом и слушал какой он теперь молодец.

Сколько же раз ребёнок, давясь едой, беззвучно повторял про себя эту выстраданную фразу, чтобы она могла неожиданно слететь с его немощного языка!

С тех пор Егорка и заговорил.

«Шведский стол»

В деревне, с нашими стариками по соседству, жили мать и дочь – Фрося и Катя. Жили вдвоём. Старшие Фросины дети пережились и разъехались кто куда, а Катя, незамужняя, тоже уже не юная – за тридцать – осталась при матери и тянула всё хозяйство, считай, одна. Добрая и работающая, подарок для любого деревенского мужика, Катя имела физический изъян – сильное косоглазие – один глаз смотрел совсем в сторону. Все любили Катю, давно привыкли к её неопределённому взгляду и совершенно забыли, что это дефект.

В колхозе Катя работала на скотном дворе дояркой, а это в те годы было дело тяжкое. Вставала она круглый год в четыре утра и по любой погоде – мороз ли трескучий, метель, темень непроглядная – шла за километр на скотный двор на первую дойку, и так – три раза в сутки. С вечерней дойки возвращалась тоже в темноте, замёрзшая и измученная.

И своё хозяйство у них было немалое: корова, поросёнок, куры-гуси, огород большой – приходилось со всем справляться. Но Катя не жаловалась, вскользь только скажет иногда, что сильно руки-ноги ломит по ночам – ревматизм замучил.

Фросе было под семьдесят, но она все дни топталась по хозяйству на подхвате у дочери. Маленькая, от тяжёлой работы скособоченная, с узловатыми артритными руками и но-

гами, она повсюду ходила в неизменном засаленном фартуке, босиком и сильно косолапила. Разговаривая с посторонними, всегда смущенно улыбалась, слегка гнусавила, мямля слова и посверкивая редкими зубами в железных коронках. Была она, несмотря на старость, неисправимо любопытной. услышав краем уха горячую новость, бежала, даже не близко, чтоб выведать подробности и со смущённой улыбкой донести их потом всем встречным-поперечным.

Катя любила свою мать, жалела её. Любила она и всю свою родню, разъехавшуюся по городам, ждала от них писем, переживала их неурядицы как свои, искренне радовалась счастью, рождению детей. Когда были передыхи в работах, и сама писала длинные письма на клетчатых страничках, вырванных из школьных тетрадок, которые специально покупала в колхозной автолавке. В письмах содержался подробный отчёт обо всём, что составляло её жизнь: какие погоды стоят, что нынче уродилось, что – нет; когда зарубили борова, когда и почём купили в этом году нового поросёнка на откорм. Писала, сколько цыплят высидела нынче клуша, и о том, что квохчет ещё одна курица: где-то соорудила гнездо и тайком несёт туда яйца – никак не найти. Подробно писала она и обо всех деревенских событиях: кто женился, кто родился, кто помер... Писала она с многочисленными ошибками, без запятых, но очень душевно и образно. В письме обязательно спрашивала обо всех, кого знала, о ком волновалась, кто её искренне интересовал, – хотела подробных писем в ответ, а

не пустой отписки.

Детей Катя любила страсть как! И поскольку своих не имела, нянчила и баловала многочисленных племянников, которые у них постоянно гостили и которые были моими приятелями по играм в салки, прятки, лапту, казаков-разбойников, когда я проводила у бабушки с дедушкой летние каникулы.

Всё у Кати с Фросей в доме было как в любой деревенской избе: русская печь, кровать с горой подушек за ситцевой занавеской, в тёмноватом «красном» углу – старые родительские иконы в окладах – с почерневшими ликами, не поддающимся определению. На стене, в застеклённой рамке, висела, как полагается, большая фотография молодой Фроси с мужем. Доморощенный фотограф так «отретушировал» им лица, что выглядели они истуканами с выпученными глазами, не имеющими друг к другу никакого отношения и пристроенными рядком совершенно случайно. (А, может, так оно и было? – теперь и спросить не у кого, как Фросю замуж выдавали.) В углах рамки, поверх стекла, были натыканы мелкие фотографии детей и внуков, успевшие уже выцвести и хорошо засиженные мухами.

У подслеповатых окон располагался стол с приросшей истёртой клеёнкой, на котором вечно стояла трёхлитровая банка с молоком, прикрытая от мух марлицей, хлеб, тарелка сваренных вкрутую яиц, огурцы с грядки, намытый зелёный лук

с белыми головками. Проголодавшись, дети бежали домой и прикладывались, когда хотели.

Среди дня Фрося вытаскивала из печи большой дымящийся чугунок с рассыпчатой молодой картошкой и набирала из кадушки щедрую миску духовитых малосольных огурцов с растопыренными во все стороны укропными зонтиками. Когда я случайно забежала к ним в этот момент, слюна начинала течь сама собой. Меня тут же, без колебаний, звали за стол, и я, конечно, никогда не могла устоять. Мы весело чистили потрескавшиеся горячие картофелины, перекидывая их из руки в руку и подбирая в рот отвалившиеся вкуснющие кусочки. Картошка просто таяла во рту. А какое удовольствие было хрустнуть при этом ароматным, мокрым от рассола огурцом! Наедались все от пуза. Мама потом для порядка ворчала, что я болтаюсь по чужим избам, будто меня дома не кормят, и что у Фроси – целый день на столе скатерть-самобранка, как в караван-сараяе (теперь бы сказали – «шведский стол»!).

Мой двоюродный брат Андриюшка тоже, как потом выяснилось, у Фроси картошку с огурцами едал.

А я и до сих пор помню и Катю, и Фросю, и их «шведский стол»...

Закадычная подружка

Была у меня в деревне закадычная подружка – Валька. Она, так же как и я, каждое лето приезжала из Питера к родне на каникулы. В городе мы жили далеко друг от друга и виделись редко, а летом, в деревне, были не разлей вода. Тётя Тоня, Валькина мать, была знатной рукодельницей: шила и вязала на заказ, и Валька уже с раннего детства всему была обучена. У матери от её рукоделий скапливалось множество красивых лоскутков и клубочков шерсти – Валька всё пускала в дело – шила и вязала на своих кукол платышки, кофточки, шапочки, штанишки. Весь этот обширный гардероб она держала в большой коробке и, когда я приходила, вытаскивала её из шкафа – хвастаться! Я очень любила перебирать и рассматривать Валькино богатство. Она демонстрировала мне свои новинки, и мы подолгу примеряли их на кукол, обсуждая все их замечательные достоинства.

Скажу только, что через много лет уже Валькина дочка унаследовала эти таланты и даже превзошла мать и бабуку – стала профессиональной златошвейкой, работает в церковной мастерской, расшивает золотом и серебром ризы для священников.

Летний день в деревне – бесконечный. С утра до вечера мы с ребятнёй табуном носились по деревне – играли в лап-

ту, в прятки, в казаков-разбойников. Когда же уставали скакать по весьям, принимались играть в дочки-матери, во врачей, в магазин, – это были спектакли для самих себя, в которых мы с серьёзностью подражали взрослым, их поведению, манерам и интонациям.

Игра во врачей состояла в том, что Валька тащила «заболевших» и посему тепло укутанных кукол в «больницу» на приём к врачу (которого обычно изображала я). Врач измеряла температуру у «пациентов» (которая непременно достигала сорока градусов), прослушивала лёгкие, смотрела им в рот и строгим голосом объявляла диагноз. Всё сопровождалось наставлениями «мамаше», назначением разных примочек и таблеток, которые тут же выдавались и сразу применялись. В обязательном порядке делались многочисленные уколы и прививки – благо куклы были бессловесные, а шприцы ненастоящие.

Играя в магазин, раскладывали на скамейке (в качестве прилавка) пучки травы, корешки, разноцветные головки клевера, круглые камешки – всё это у нас числилось «овощами». В ряд также ставились пузырьки из-под валерьянки, наполненные «молоком». За «товар» расплачивались листьями подорожника, которые, по нашему мнению, отлично подходили на роль денежных купюр: их можно было сложить в пачку, зажать в кулаке и «отслюнявить» нужное количество при покупке. Без сомнения, сценарий всего действия, диалоги и замашки торгующихся были подсмотрены и подслушаны.

ны нами у взрослых, – а у кого же ещё?

Деревушка наша располагалась на холме, откуда открывались просторы, манящие и неизведанные. Блуждая по окрестностям, мы с Валькой делали маленькие чудесные открытия, которые будоражили наши детские души. Таким открытием могла стать и обнаруженная в лесу полянка с ландышами, и найденная в болотистой низинке пара кочек с невиданной нами дотоле клюквой. А однажды, на закате, вышли мы на некошенный луг с длинными вечерними тенями, по которому уже волочился туман, насыщенный необыкновенным тонким ароматом. Над поникшей от тяжёлой росы травой множеством свечек возвышались парафиново-белые резные соцветия благоухающей ночной фиалки, любки...

Своими открытиями мы делились с деревенской ребятнёй, которая, разинув рты, слушала наши красочные рассказы, а мы, подогревая их жгучее любопытство, до поры до времени скрывали местоположение очередного чуда, – это была увлекательная игра, одинаково интересная и рассказчикам, и слушателям. Уж потом мы с Валькой «раскалывались» и вели всю ватагу показывать «место». Ценность предъявленного нами открытия возводилась детским воображением в степень.

Как-то набрали мы вдалеке от дома, в поле, на полузасыпанный колхозный гурт, в котором зимой хранилась картошка, – большущую кучу чистого жёлтого песка! Самое глав-

ное – песок был влажным от ночных дождей, а не сухой, рассыпчатый, стекающий между пальцами (то есть, бесполезный)! Мы с Валькой тут же, от нечего делать, вырыли в куче пещеру, а потом один за другим стали строить дома, прокладывать дороги, сажать сады и делать пышные грядки, да так увлеклись созиданием, что забыли про время и про обед. Опомнились, когда солнце стало падать за горизонт, – день остыл. Озябшие от сырого песка, мы распрямили спину и негнущиеся ноги и, кое-как отряхнувшись, с сожалением потрусили домой, беспрестанно оборачиваясь и любуясь напоследок своим рукотворным царством, раскинувшимся в закатных лучах на склоне песчаной горы. Дома нам всыпали по первое число! Однако мы не особенно расстроились и через день-два вели строительство уже в большой компании ребят.

Взбрендило нам с Валькой однажды в голову, что мы уже «взрослые», и пора нам научиться корову доить, – в деревне ведь живём! В каждом доме тогда держали коров. Была корова и у нас, и у Валькиной родни, но сунуться с такой просьбой к своим мы и не помышляли – что толку спрашивать – известное дело, скажут: «Нечего баловством заниматься, корова не игрушка!» Придумали мы тогда обратиться к доброй и безотказной Кате, нашей соседке, которая работала дояркой, и на её попечении было штук двадцать бурёнок, – Катя уж точно не будет препятствовать и ворчать! Наш расчёт оказался верным. И вот, обутые в резиновые сапоги, мы уже

резво трусили рядом с сердобольной Катюшей на вечернюю дойку в колхозный коровник.

В подсобке вовсю сутились Катины товарки, громыхали пустыми бидонами и готовились к дойке. Не особенно отвлекаясь от своих дел, они добродушно посмеялись над двумя пришедшими «помощницами» и пожелали нам вскорости стать их достойной сменой. Катя выдала нам один подойник на двоих, мокрую тряпку – протереть корове вымя, и кособокую скамеечку с растопыренными ножками, заляпан-ными во много слоёв старым присохшим навозом.

Не то чтобы мы не знали запаха скотного двора, но едкий аммиачный дух чуть не сшиб нас с ног, когда мы вступили в длинный темноватый коровник. Узкие оконца коровника света пропускали мало, да и тусклые, засиженные мухами лампочки не добавляли радости. По обеим сторонам от прохода располагались стойла с коровами, вдоль которых тянулись сточные желоба. Полы в стойлах были присыпаны соломой, чтобы коровы не лежали на голых грязных досках. Увидев всё это вблизи, мы с Валькой приуныли, и пыл наш несколько поубавился.

Катя выбрала нам самую «смирную» корову, Милку, и, на пальцах объяснив, как браться за вымя, убежала в другой конец коровника, – некогда ей было с нами рассусоливать. Мы остались один на один с коровой. Надо было с чего-то начинать. Посовещавшись, мы неуверенно забрались в стойло, и одна из нас, приноровившись, стала неумело обтирать

Милке вымя, а другая давала советы и успокаивающе поглаживала бурёнку по спине. Но Милка не обратила никакого внимания на нашу суету: она не сдвинулась с места и не прекратила мерно двигать челюстями. Корова и вправду была смирной, мы успокоились и приободрились.

Когда манипуляции с обтиранием закончились, пора было начинать основное – дойку. И, главное, – кому первому? Решили послать меня. Я взяла подойник, пристроила его у Милки под выменем и, придвинув поудобнее колченогую скамеечку, устроилась на рабочем месте. Сначала я для проформы погладила вымя (сделала что-то вроде массажа – как учила Катя), а затем, уцепившись за два соска, стала давить их в своих кулачках и дёргать вниз. Молоко, однако, не появилось. Валька начала под руку критиковать меня, заявила, что я не так всё делаю, – надо, мол, так и эдак! Я попробовала «так и эдак», но корова вдруг заволновалась и с размаху, довольно ощутимо, хлестнула меня хвостом по голове – даже в глаз попала лохматым концом. Я не отступала и всё дёргала и дёргала бедную Милку за соски. Что потом случилось – я не сразу и поняла, но ведро вдруг с грохотом полетело в сторону, а я, вместе со своей хромоногой скамейкой, опрокинулась на спину прямо в унавоженную солому. Оказалось, «смирная» Милка, за здорово живёшь, одним махом снесла меня и моё ведро копытом! На шум улетевшего ведра и Валькин визг прибежала Катя. Поохав, она стала спрашивать нас, как всё произошло, но, не дослушав, вдруг

от души рассмеялась: «Люд, а ты с какой стороны доить-то села?» Выяснилось, что садиться надо было с правой стороны (и только с правой!), – так все коровы приучены. А тут – пришла неизвестно кто, села не с той стороны, да ещё и за сиськи неправильно дёргает, – то-то спокойная Милка и возмутилась!

Катя зашла к Милке в стойло, перенесла скамеечку на нужную сторону и устроила оглушённым неумехам «мастер-класс». Руки её, играючи, так и мелькали, а молоко двумя попеременными струями звонко било о стенки пустого подойника. Мы усердно следили за всеми Катиными движениями и, как нам показалось, всё поняли. Оказывается, это так легко и просто!

Когда Катя вновь убежала, мы, вдохновлённые, уверенно принялись за дело. Но не тут-то было. То ли Милка расхотела общаться с непрошеными мучителями и перекрыла нам молоко (коровы это умеют!), то ли, всё-таки, не хватало у нас навыка и сноровки правильно обращаться с коровьим выменем. К этому делу надо долго принаравливаться, а мы пришли тут и сходу – тыр-пыр! Молоко еле прыскало в подойник, несмотря на все наши усилия. Надоили мы, дай бог, поллитра на двоих и сдались. Катя добродушно посочувствовала и забрала у нас подойник, а молоко наше вымученное, я думаю, слила куда-нибудь в сторонку, чтобы грязь какая не попала в общий бидон.

А дома над нами посмеялись и, конечно же, высказали:

«А вы что хотели? Корова вам не игрушка!»

Часть

II

Первый приезд

С нетерпением ковыряю ключом в заржавевшем замке. Ворота наконец-то открываются, и мы въезжаем в свой «райский уголок», безропотно ожидавший нас всю зиму. Дача встречает нас горячим весенним солнцем и первыми цветами – хороводами нежно-лиловых крокусов на голых клумбах. Громко, с упоением, звенит большая синица, какая радость после оглохшей зимы слышать её простенькую песню!

Не отпирая дома, бросаем сумки на крыльцо и бежим всё осматривать – каждый по своему первоочередному маршруту. Сколько раз за зиму мечтали мы об этом моменте! Глаза быстро скользят окрест: всё ли нормально, всё ли цело? Но всё, слава богу, нормально и цело! Вокруг царят незамутнённое спокойствие и смолистый запах разогретых сосен. Земля под ними усеяна жёлтой опавшей хвоей и шишками. В обложенном булыжником старом кострище чернеет недожженная по осени ботва; в тени сарая доживает последние дни бывший сугроб – тощая сахарная лепешка со стеклянными краями, отставшими от земли.

Порадовалась, что дружно взошел чеснок, посаженный под зиму; на припёках только-только начали вылезать свернутые кулёчками листья тюльпанов; сквозь прошлогоднюю щетину пробиваются молодые побеги флоксов. Радостно и

нелепо шарахается во все стороны пара незнамо откуда вылупившихся бабочек-капустниц.

Дом наш стоит на берегу речки, иду к ней. Слева за забором – небольшой пологий овраг с шумным пенистым ручьём, несущим в реку талые воды. С удивлением вижу, что многие осинки на склонах оврага повалены и их стволы сточены на конус, как карандаш, – явно бобры поработали! Неужели ручей хотят дамбой перекрыть? Никогда еще так близко от жилья не занимались они лесоповалом; видно, родители прогнали выросших детей в самостоятельную жизнь, и тем пришлось искать неосвоенные берега. Думаю, наше постоянное присутствие их отпугнёт!

Подхожу к речке. Ивовый куст на кромке берега рябит серебристыми бархатными «лапочками», вот-вот они распушатся и покроются желтой пылью. Река, довольно широкая в наших местах, ещё не вскрылась, но ждать осталось недолго: рыхлый, весь в тёмных струящихся промоинах лёд уже отлупился от берегов, приподнятый напором растущей воды. Несмотря на безветрие и горячее солнце, ото льда идет ощутимый холодок, тянет волнующей водной свежестью. Я постояла на берегу, полюбовалась, подышала полной грудью; закрыв глаза и подставив лицо солнцу, замерла ненадолго. Меня накрыла уютная деревенская тишина. Где-то далеко прокаркала ворона, из голого леса донеслась барабанная дробь дятла.

Первое любопытство утолено. Пошли открывать дом.

Дом, в котором всегда что-то происходит

Подъезжая к даче, мы сначала останавливаемся у дома своих соседей – поздороваться, узнать новости. Вылезаем из машины, разминаем кости после долгой езды и встаём в кружок почесать языками. Нас тут же окружают любопытные хозяйские козы – штук семь вместе с козлятами – они по-собачьи интересуются гостями: тыкаются носами в колени и пристально изучают нас своими странными глазами с узкими, горизонтально развёрнутыми зрачками. За разговором мы не сразу замечаем, как козочки пристраиваются пожевать полы наших курток. Отогнать их трудно: когда их что-то интересует, они очень настырны. И только громкий окрик хозяйки и её бесцеремонный тычок в лоб действуют на них.

Соседка наша, Ольга, не старая ещё женщина, переехала к матери из города, когда той стало трудно справляться с хозяйством. Расставание с городской жизнью не стало для неё тяжёлым шагом: по сути, она вернулась домой – туда, где родилась и выросла. Ольга любила родные места, обладала наблюдательностью лесного жителя и знала каждое дерево в округе на многие километры, как мебель в своём доме. Всем исхоженным местам – дорогам, болотцам, гривам – она давно присвоила свои имена, которые и мы за много лет обще-

ния изучили и взяли на вооружение. По её подробной воображаемой карте можно найти, кажется, и спрятанную в лесу консервную банку.

Ольга раньше всех узнаёт, когда в лесу появляются грибы и в каких местах нынче растут. В лес она обычно убегает очень рано, а возвращается с полной корзинкой, когда мы ещё и к завтраку не приступили. Куда уж нам, дачникам, угнаться за ней – у неё совсем другой режим!

Дела у Ольги до ночи не кончаются. А куда денешься, когда на дворе столько живности. Сначала приготовить, а потом накормить всех надо; коз подоить, а потом с молоком разобраться, чтобы не пропало. Хотя при стольких ртах разве может пропасть что-либо съестное! Кстати, собственным молоком козы и сами не возражают полакомиться. Ольга как-то, хохоча, рассказала нам, как её старшая коза Бэла, увидев оставленный кем-то на ступеньках крыльца стакан с молоком, подошла, аккуратно захватила его губами за край и, осторожно запрокидывая голову, выпила всё до дна, а стакан поставила на место. Все замерли: в цирке такому не научат, а тут – без всяких тренировок!

Заметив удовольствие, которое мы получаем от её историй и как искренне хохочем, Ольга всегда при встрече рассказывает нам что-то про своих питомцев – хоть и немудрёное, да так, что запомнишь навсегда. А одному забавному случаю мы и сами свидетелями стали.

Стоим мы как-то в очередной раз с Ольгой рядом с калит-

кой, разговариваем и вдруг видим – через речку кот её плывёт! Выбрался на берег – зрелище самое разнесчастное! Не сразу и поймёшь, что за зверь: на тощем скелете с приклеенными клочками мокрой шерсти инородно торчит большущая пушистая голова с вытаращенными глазами. Голову не намочил – когда плыл, тянул шею кверху! С силой крутанув телом, Васька стряхнул с себя воду и пулей кинулся в дом греться. Изумленные, мы обернулись к Ольге за объяснениями: с чего это Васька по такому холоду искупаться решил?! Кошек обычно и насильно в воду не загнать! Оказалось, что Васька плавает на ту сторону каждый день, у него там в одном доме подружка живёт, ради которой он и преодолевает туда-назад нешуточную водную преграду в шестьдесят метров шириной. Да уж, нет препятствий для любви! Так Васька и плавал на свидания, но однажды появился у него откуда-то соперник.

Как-то, ковыряясь в огороде, услышала я с другого берега речки истошные кошачьи вопли: сцепившись, два кота дрались не на шутку. Бой сильно затянулся – никто не хотел уступать – и остервенелые вопли не прекращались. Наконец я увидела, как, налегая на вёсла, Ольга гонит лодку на тот берег, – спасти бедолагу! Подоспевшей помощи Васька, видимо, не сопротивлялся, и уже скоро Ольга везла изодранного в кровь котяру в родной дом. За несколько дней он отлежался, залечил раны и снова начал плавать...

Следом за кошачьей дракой произошло ещё одно удручающее событие на Ольгином подворье: одна из её куриц нашла в траве гадюку, приняла за смачного червяка и стала клевать, а та, отбиваясь, ужалила её в голову. От укуса голова у курицы распухла, глаза закатились. Она сидела в тёмном сарае и помирала. Все ей сочувствовали и не мешали – помочь-то всё равно нечем. Однако эта история имела счастливый конец: курица оклемалась и вернулась к прежней жизни – продолжила копаться в огороде, выискивать «вкусняшки» на свою голову.

Ольгина мать, маленькая высохшая женщина с седыми стриженными волосами, отдав бразды правления дочери, всё же, как могла, помогала ей по хозяйству. В далёкой молодости работала она где-то техником и с тех пор сохранила привычку к фиксации различных показателей. На столе она постоянно держала толстый гроссбух, в котором вела ежедневный учёт всем кормам, истраченным на скотину и птицу; регистрировала количество снесённых каждой курицей яиц. Курятник у них был беспородный и «просроченный», и показатели всегда были неутешительными, но зарубить курицу, которая давно перестала нести яйца, никто из своих не мог.

Каждый день старуха в неизменной вязаной безрукавке и бесформенных шароварах ходила вдоль дороги, пасла коз и заодно, впрок, набивала большую холщевую торбу листьями

рябины – любимым козьим лакомством. За то, что бабку всегда сопровождали козы, мы между собой шутливо называли её Эсмеральдой*. Я избегала её и старалась спрятаться, когда видела на горизонте козье стадо. И всё потому, что старуха очень любила ненароком меня прихватить – пообщаться. А была она невероятным нытиком и любые разговоры тут же сводила к подробным, длительным жалобам (с настоящими горячими слезами) на своё готовое рухнуть хозяйство, на бездействующего зятя, на дорожающие корма, растущие расходы и отсутствие прибытка. Было трудно подолгу стоять под пекущим солнцем, переминаясь с ноги на ногу, слушать её нытьё, вежливо поддакивая, и думать о своих брошенных делах.

Даже скотина, несмотря на заботу хозяйки, мстила ей за её занудство: то петух со спины налетел и больно поклевал, то козёл молодой ударил рогами и повредил и без того больную коленку. Бабка, бедная, потом недели две лежала, не вставая.

Козёл, кстати, заслуживает пары отдельных слов. Был он, как все козлы, страшно вонюч, запах распространял по ветру метров на тридцать, учуяв который, можно было сразу засечь, что где-то недалеко ходит бабка с козами. Недаром в деревнях неопрятного мужика, подсмеиваясь, могли обозвать «душным козлом» – с намёком, что пора бы в баньке помыться.

Имел соседский козёл ещё одну особенность: он становился просто бешеным, когда видел проезжающий мимо ав-

томобиль, – нёсся за ним, как разъярённый бык на корриде, – того и гляди бампер снесёт!

Как-то по весне купила Ольга в своё хозяйство гусят, утят и – на пробу – трёх цыплят-бройлеров, которых раньше никогда не держала. С водоплавающими проблем не было: они быстро подросли и всей компанией с раннего утра до позднего вечера стали пропадать на речке. Зато бройлеры задали ей жару! Эта птица – скороспелый куриный гибрид – всего за два месяца набирает в весе до трёх килограммов. Бройлеры обладают неуёмным аппетитом, и если их не ограничивать в еде, то всё может закончиться неконтролируемым ожорством. И вот, была история, запарила Ольга в кастрюле корм для скотины, оставила её открытой остужаться на вертерке и ушла. А через какое-то время рядом с опустошенной кастрюлей она обнаружила одного из бройлеров, лежащим кверху лапами в бессознательном состоянии, а двух других – сидящими на земле с закрытыми глазами и не способными сдвинуться с места: что называется – дорвались!

А к концу лета произошло ещё одно событие. Тёмной августовской ночью – все спали, никто ничего не слышал – к ним пришли из лесу дикие кабаны, которые перерыли и перетоптали всё картофельное поле и нанесли серьёзный урон урожаю. Расстроенная Ольга весь следующий день натягивала по периметру огорода проволоку и развешивала на ней

пустые консервные банки, собранные на помойке, – для шумового эффекта, если кабаны снова придут.

Вот так и живут наши соседи со своим хозяйством, в котором все их питомцы, вплоть до последней курицы, что-нибудь, бывает, и отчебучат; да и пришлые не дают скучать!

Примечание: *Эсмеральда – главная героиня романа Виктора Гюго «Собор Парижской Богоматери», которая постоянно, не расставаясь, ходит со своей козочкой на поводке.

Счастливые поросята

По весне наши соседи, живущие, в отличие от нас, дачников, в деревне круглый год и имеющие в хозяйстве скотный двор, купили себе на откорм четырех новорожденных поросят. Поросятки были очаровательными: розовыми, чистенькими, с рыльцами-пяточками и хвостиками-завитушками. Какое-то время их держали дома, в тёплом закутке, и кормили из соски козьим молоком, но это продолжалось недолго: поросята росли на глазах, и им стало тесно в отгороженном углу. Пришлось хозяевам соорудить для них загончик во дворе. Тут-то и началось их поросячье «счастье». А счастье состояло в том, что поселили их не в тёмном, душном хлеву, а на солнечной поляне, под открытым небом, где они вволю рыли вкусные корешки и с удовольствием общались со всеми любопытными, кто к ним подходил: людьми, козами, курами, утками, кошками – познавали окружающую жизнь.

Но очень скоро в загончике всё было истоптано, изрыто, все вкусные корешки съедены. Поросята начали подкапываться под хилую сетчатую загородку и уронили её. Пришлось их выпустить на общий двор, огороженный забором вместе с большой прилегающей луговиной. «Пятачки» радостно кинулись осваивать целину. Чтобы озорники не разбежались, ворота на улицу тщательно запирали.

Раздольная жизнь способствовала быстрому развитию порослячьей сообразительности. Они прекрасно знали хозяев и неслись со всех ног, когда их звали обедать. К посторонним относились с интересом, но всегда держались на некотором расстоянии, чтобы в любой момент можно было дать дёру.

Среди четырех поросят была только одна девчонка, названная Машкой, но она-то и была главной заводилой и признанным лидером в этой неугомонной компании. Куда несётся Машка – туда и все «мальчишки», и никто не отставал. А мальчишкам и имен-то не давали за ненужностью – называли всех просто – «Машка и компания».

Хулиганили поросята беспрестанно: рыли везде, где приглянется, и, когда им удавалось пробраться через случайно не закрытую калитку на грядки с овощами, они молниеносно в четыре пяточка расковыривали там всё, что успевали, зная, что сейчас прибежит хозяйка с хворостиной и с криками выгонит их. А им всё нипочём! Ну и ладно – нет, так нет – найдём что-нибудь другое! Так и катались они целыми днями на своих шустрых копытцах по большому двору, лезли всюду скопом, толкая друг друга и смешно шарахаясь от всяких неожиданностей.

Но через некоторое время Машке наскучили вдоль и поперек изученные закоулки. Как самая умная, она поняла, что белый свет не ограничивается огороженным двором, и что за забором должно быть много нового и интересного. Обследовав изгородь на предмет «слабины», Машка эту слабину

где-то благополучно обнаружила. И скоро все четверо уже разгуливали по берегу речки за пределами усадьбы. Ну что с ними поделаешь – хоть в сарай под замок сажай! Да куда уж теперь в тюрьму, когда они к воле привыкли. Посокрушались хозяева, да так и пустили все на самотёк, рассчитывая в душе на Машкин разум, а, может быть, и просто на авось. И, правда, поросята осваивали округу постепенно, от дома далеко не отходили.

На нашем берегу реки всего-то два дома стоят: в одном соседи со своим хозяйством живут круглый год, а другой (в ста метрах вверх по реке) – наша дача. Вдоль реки, мимо наших домов, тянется лесная дорога, по которой в сезон, бывает, ходят только приезжие рыбаки с рюкзаками, да грибники с корзинками.

Однажды вижу из-за забора, какие-то собаки несутся по дороге – мелькают за кустами – не могу рассмотреть, а потом и ахнула: да это ж соседские поросята! Кубарем катились они в лес, прочь от жилья. Впереди, как всегда, была Машка. Так и хотелось крикнуть им вдогонку: «Куда вы несётесь, Нуф-Нуфы! Вас там волк съест!» Но их уже и след простыл. В лесу они не заблудились, и волк их не успел съесть: через какое-то время они снова пробежали мимо, уже в обратную сторону.

Их прогулки в лес стали ежедневными. Что их туда влекло? Думаю, любопытство и Машкина страсть к новым ме-

стам. А братья, не раздумывая, и даже с удовольствием, следовали за ней.

Я всё хотела дойти до соседей и рассказать, как далеко от дома убегают их беспризорные поросята; не ровён час, прихватят на шашлык какие-нибудь проходящие рыбаки. Но тут Ольга сама зачем-то прибежала ко мне, и я ей всё выложила. Она приняла мою информацию к сведению, покудахтала, но поросята так и не прекратили бегать в лес мимо нашего дома – слава богу, без последствий!

Однажды сидели мы за столом, допивали чай после обеда, а я вышла с чашкой на крыльцо, чтобы освежиться после жаркой кухни. Облокотившись на перила, опустила взгляд и, о боже! Что я увидела! Внизу, выставив кверху весёлые кручёные хвостики, четыре упитанных поросёнка, не замечая ничего вокруг, яростно пахали своими рыльцами мою клумбу с цветами. Сначала я онемела от неожиданности, а потом как топну со всей силы ногой по полу, да как крикну: «Это что такое-е!!!» Бедные поросята от испуга подпрыгнули как мячики, да как рванут прочь со двора! Подбежав к закрытым воротам, они умело, по-пластунски, проползли под ними и кинулись в сторону своего дома, до которого наверняка добрались без остановки. Всё произошло молниеносно, и когда мои домашние выскочили на шум – поросят уже и след простыл. Я, возбужденная неожиданным комическим событием, с хохотом описала им всё произошедшее.

Позже, обойдя огород, я обнаружила, что, пока мы обедали, розовые хулиганы оприходовали все наши посадки: не осталось ни одной грядки и цветочной клумбы, которую бы они не подрыли, – явно торопились отведать всего, пока их не застукали. Ушлыми выросли поросята, имея такую свободу!

На самом деле, я не очень-то и расстроилась из-за нанесённого ущерба, и мне до сих пор весело вспоминать эту историю.

Ежиная семья

Никогда не водились в наших местах ежи, а тут пришли откуда-то. Как-то заметила я, что трава около бани при полном безветрии колышется – кто-то копошится. Подошла потихоньку, смотрю – ёж! Испугался меня, свернулся, пыхтит! Удивилась я: откуда? Решила, что ёжик случайный, проходящий – мало ли откуда занесло. Однако он стал появляться каждый вечер, видно, место облюбовал, а мы за ним тайком наблюдали: у нас крыльцо высокое, весь двор хорошо виден. А скоро и ежиный дом обнаружили. Это была невысокая, хорошо сформированная копёнка из сухой травы, пристроенная к забору из сетки-рабицы. Чтобы не пугать жильца, мы обходили его хатку стороной, а скоро и вовсе уехали, неделю нас не было на даче. Когда же вернулись, не сразу про ёжика и вспомнили. Только дня через три поняли, что ёж куда-то пропал, не показывается нам на глаза. Пошла я поинтересоваться ежиным домом и охнула! Домик был снесён с поверхности земли, только клочья сена вокруг валялись. Позвала своих домашних, стали обсуждать, кто это сделал: собака ли бродячая, или лиса? Живём-то, считай, в лесу! Думай не думай теперь – всё равно не узнаешь.

Я нагнулась и стала осторожно разгребать остатки сена, обнаружив, что гнездовище располагалось в ямке, накрытой многими слоями сухой травы, а разрушена была только вы-

ступающая над землёй хатка. К моему удивлению гнездо было построено так тщательно и умело, что рукой я ощущала внутри абсолютную сухость и тепло жилища. Потом рука провалилась в какую-то пустоту – я покрутила ею и сразу же наткнулась на ежиные колючки. Быстро выкинув из гнезда остатки сена, обнаружила на дне пятерых маленьких, размером с куриное яйцо, неподвижных ежат. Я сбегала за корзинкой и по одному переложила в неё несчастных детёнышей. Только двое оказались живыми, но и они почти не шевелились – жизнь едва теплилась в них. Надо было срочно что-то предпринимать: видно, мать бросила ежат давно, и они умирали от голода и обезвоживания. Обычного молока у нас не было, только сгущёнка с сахаром – вещь, конечно, совершенно неподходящая для такой цели. Делать, однако, было нечего: замутила я тёплую водичку сгущёнкой и стала по капле выдавливать из пипетки в ротишки ежатам, но те уже и глотать не могли, только пузыри пускали. И как я ни старалась, привести их в чувство так и не смогла.

История эта грустная, но диким животным горевать некогда, случившаяся беда делает их более осторожными, а значит более живучими. Оправившись от испуга, они строят гнездо в более надёжном месте и снова заводят детей.

Как-то незаметно ежи в нашей деревне стали привычным явлением. Селились они поближе к человеческому жилью, около которого всегда можно найти пищу: и отходы на по-

мойках, и остатки еды в кормушках домашних животных. Так они нагуливают себе жирок, необходимый для длительной зимней спячки.

Следующей весной к нам пришёл уже другой ёж: крупный, угольной масти, и взгляд у него был мрачный, исподлобья – как у Григория Распутина на известной фотографии. Гришкой его и «окрестили».

Первый раз мы увидели его в наступающих сумерках под морозящим дождём. Ёжик активно выискивал себе пропитание, попутно стряхивая на себя осыпь холодных капель с мокрой травы. Я надела куртку, резиновые сапоги и, тихонечко выйдя на полянку, замерла, с любопытством наблюдая за ним. Тот не заметил моего появления, продолжая идти по намеченному маршруту. Мои ноги в резиновых сапогах он воспринял как нечто неживое и ничуть не насторожился: уткнувшись в сапог, залез на ступню как на кочку и, скатившись с неё, пошёл дальше.

Мне стало жаль промокшего ежа, и я решила покормить его, благо после готовки обеда у меня осталась целая мисочка сырой куриной кожи, которую я обычно выбрасываю, а тут не успела. Сходив за миской, я осторожно приблизилась к ежу и быстро вывалила всё содержимое ему под нос. От испуга ёж мгновенно свернулся в шар и вздыбил иголки, угрожающе стуча «мотором» и взбрыкивая всем телом. Но скоро, не получив ответных действий, остановился и притих. И, правда, – что зря сотрясать воздух – надо сначала выяс-

нить, что же произошло: постепенно его мордочка выдвинулась из-под иголок и уткнулась прямым в мягкую и жирную аппетитную кучу. От неизвестного «божественного» запаха голова у голодного ежа закружилась, и ему пришлось замереть на минуту-другую. Выйдя из ступора, он робко, не веря себе, лизнул «манну небесную» язычком – и последние его сомнения улетучились! С жадностью накинулся он на еду.

Отрешившись от мира, ёж долго, с наслаждением, предавался бесконтрольному чревоугодию: никогда он так вкусно, жирно и так много не ел! Через час, выглянув на улицу, я обнаружила его, всё ещё «приросшего» к вожаденной пище. Съел он, в результате, почти всё, только один маленький кусочек не поместился в нём и остался лежать в траве, когда отяжелевший ёж ушёл восвояси.

Два дня ёж не появлялся на глаза. Мы даже побаивались, не случился ли с ним заворот кишок? Однако на третий день он пришёл, и не один, а... с подругой! Подруга была заметно мельче Гришки, на длинных ножках, и масти – светлой, «блондинистой». Чисто – Клавдия Шиффер! Имя Клавка прилипло к ежихе сразу и бесповоротно.

С того дня парочка прочно обосновалась около нашего дома. Обычно с началом сумерек Гришка выбирался из своего убежища (местонахождение которого мы за всё лето так и не обнаружили) и тщательно обходил усадьбу по кругу – видимо, он считал её своей территорией. Через некоторое время

выходила Клавка, и они, уже вдвоём, продолжали спокойно «пасть» в траве, выискивая съестное.

Мы привыкли к ним и стали регулярно подкармливать. Они с удовольствием поедали остатки каши, особенно сдобренные слитым со сковородки жиром, обожали куриную кожу, как коты на валерьянку кидались на объедки любой рыбы: копчёной, варёной, жареной и даже обычной селёдки. Я не догадывалась об этой их страсти и закапывала рыбы головы и кости в кострище, чтобы при случае сжечь их, пока однажды не увидела, как среди бела дня Гришка, весь обсыпанный золой, яростно размётывал в кострище холодные угли, чтобы добраться до вожаемых рыбьих останков. Учужал, видимо, из своей берлоги рыбий запах – слюнки потекли – и прибежал, даже темноты не смог дожждаться!

Обычно к вечеру, перед их появлением, я выставляла позади крыльца площадку с едой. Гришка не заставлял себя долго ждать – он всегда, как разведчик, выходил на запах первым. С удовлетворением обнаружив свой «ужин» на законном месте, за еду принимался не сразу, а сначала, как полагается, тщательно обследовал ближайшую территорию: делал пару кругов, чтобы убедиться, что никто другой не покусится на вожаемую вкуснятину, и только потом надолго припадал к миске. Уполовинив её, он останавливался и трусцой скрывался в сумерках. Я думала про себя: «Ну, наелся!» Но не тут-то было: скоро он возвращался вместе с Клавкой, и они продолжали трапезничать уже на пару. Всё происходя-

щее мы, затаив дыхание, наблюдали сверху, с крыльца, как в театре облокотившись на перила. Каждый день эта история повторялась.

Натуралисты говорят, что ежи – животные-одиночки, семьями не живут, и мать растит детей одна. Поведение Гришки и Клавки совсем не укладывалось в этот стереотип. Ещё больше мы в этом убедились, когда стали свидетелями одного замечательного события.

В тот вечер Гришка, выйдя к ужину и сделав обход территории, к еде не притронулся и сразу ушёл. Совсем скоро на «арену» неожиданно выскочила Клавка – передвигалась она непривычно быстро. И тут мы заметили, что единым целым с ней шустро, в ногу, семенили двое крошечных ежат. Как воины в греческой фаланге, они плотно сцепились иголками с мамашиним боком – картина была уморительная! Не останавливаясь, «фаланга» пересекла открытое пространство и скрылась в зарослях высокой травы. Мы перевели дыхание и расхохотались. Так Клава первый раз вывела своих детей из гнезда на прогулку. Ежатки были маленькие и кругленькие, как колобочки. Имена им и выбирать особо не пришлось: Чук и Гек, и всё тут. В конце концов, без разницы, кто из них Чук, а кто – Гек, не ставить же им метки.

В тот ответственный вечер больше всех переволновалась Клавка: она вывела детей из надежного гнезда в мир, полный опасностей. Однако и Гришка активно принимал участие в этом событии: обеспечивал проверку территории и тоже за-

метно волновался, даже ужин отложил. Обойдя поляну и не обнаружив в поле зрения (или слуха, или нюха) ничего подозрительного, дал семейству «добро» на выход. Интересно, каким же это образом, на каком языке, они с Клавой договорились и согласовали свои действия?

А ежатам хватило двух дней освоиться во дворе. И теперь по вечерам, уже на общих основаниях, они вместе с родителями ели из общей тарелки или копошились в траве, ища насекомых.

Как-то, ещё до наступления сумерек, на запах вынесенной мною еды откуда-то прибежала чужая голодная ежиха со своим ежонком. Нюх у них отменный, за километр чувствуют. Безошибочно, как по азимуту, выйдя к миске, они с жадностью накинулись на еду. Торопясь, стараясь побольше урвать, ежи непрерывно хватали из тарелки крупные куски и громко чавкали. Видимо, они прекрасно знали, что пришли на чужую территорию и воруют чужую еду, но голод – не тётка! И тут, в самый сладостный для них миг, на «сцене» появился хозяин миски – Гришка. Гриша остолбенел от возмущения, увидев это немыслимое безобразие. Выдержав паузу, он хозяйским шагом подошёл к тарелке, упёрся своим чёрным носом в нос пришедшей ежихи и, угрожающе вздыбив иголки, стал молча буравить её тяжелым взглядом. Та долго не выдержала: отпрянув, она по-воровски выхватила из миски хороший кусок и, зажав его в зубах, дала дёру – только пятки засверкали. Между тем, ежонок, пока Гришка

выдворял его мамашу, никуда не убежал и чавкать не прекратил. Казалось, он был уверен в своей «детской» неприкосновенности среди сородичей. Так оно и оказалось! После бегства ежихи Гриша не тронул чужого ежонка, а принялся есть с ним из одной тарелки, хотя чувствовалось, что он очень недоволен присутствием неожиданного «нахлебника». И всё-таки настроение у ежонка было испорчено, да и мать убежала. Он пожевал ещё немного без аппетита и кинулся за ней вдогонку.

К концу лета Чук и Гек здорово выросли, а Гришка совсем заматерел и округлился (на таких-то кормах!). Только Клава оставалась по-прежнему стройной. А может быть, она казалась такой из-за своих длинных ног?

Отпуск у нас кончился, и на даче мы стали появляться только по выходным. Всю осень, до самых заморозков, в день нашего приезда ежи обязательно приходили к своей кормушке. Наше присутствие в доме было неразрывно связано в их головах с наличием обильной и вкусной еды в миске...

Белки-бабочки

Лесные белки пугливы, их не сравнить с белками, живущими в городских парках, – те даже орешки с руки не бояться брать. Однажды угораздило такую лесную белку поселиться в дупле высокой раскидистой сосны, прямо напротив нашего дачного дома. А дача наша стоит обособленно, в настоящем лесу. До отпуска мы бываем там только по выходным, – вот белка и обосновалась здесь в наше отсутствие, не разобравшись в обстановке и соблазнившись тишиной и хорошей «квартирой».

Дупло, в котором она поселилась, располагалось на солнечной стороне ствола и было удобным и глубоким. Раньше в этом дупле каждое лето жили стрижи; целыми днями с весёлыми свистами носились они у нас над головами к своей сосне. Прилетели к родному гнезду и этим летом, но с белкой у них силы не равные. Пометались-пометались, посвистели-посвистели и убрались искать себе новый дом.

Белка же принялась обустроить свою квартиру. Мы подсмотрели, что она нашла применение отжившей овечьей шкуре, без дела валявшейся на дровах под навесом сарая. К вечеру, когда двор пустел, белка забиралась на поленницу и драла из шкуры шерсть, запихивая её в рот передними лапами. Когда щёки раздувались до невероятных размеров, и пучки шерсти, как усы Бармалея, торчали изо рта с двух сто-

рон, она спускалась на землю и прыжками, длинным окружным путем, чтобы сбить с толку возможных наблюдателей, относила ценную добычу в дупло. Мы догадались: она утепляет гнездо своим детенышам, а тут ей такое богатство подвалило – настоящая овечья шерсть! Однако вся суэта неожиданно закончилась, белка пропала, и мы решили, что она всё же решила перенести место жительства подальше от людей.

Прошло недели три, мы успели забыть эту историю, но однажды я заметила в отверстии дупла какое-то движение. Подошла поближе – никого. Однако любопытство моё разгорелось, и я, набравшись терпения, встала напротив и замерла «столбом». Стояла так, не шелохнувшись, несколько минут и дождалась, чего хотела: в «окошке», появилась овальная, как яичко, беличья мордочка с большими миндалевидными глазами и торчащими вверх ушками с кисточками на концах. Белка увидела меня и мгновенно скрылась в глубине дупла. Я обрадовалась: наша белка вернулась! Но, как потом выяснилось, она никуда и не убегала.

Я заметила, что каждый день белка подолгу и внимательно оценивает обстановку из своего «окошка». Мы строили догадки и, стараясь её не беспокоить, обходили сосну стороной. После нескольких дней своих наблюдений белка, видимо, решила, что никакой опасности нет – всё спокойно, и однажды, среди дня, из дупла высунулась совсем миниатюрная головка: мы поняли – бельчонок! Судорожно цепляясь за кору и дрожа всем телом, крошечный зверек выкарабкал-

ся на ствол дерева. Распластавшись по сосне вниз головой и пушистым рыжим хвостиком кверху, он замер от страха перед ослепляющим пространством, развернувшимся вокруг. Сил у него хватило ненадолго, и он поспешил назад, в спасительную темноту родного гнезда, – первая прогулка оказалась совсем короткой. На следующий день история повторилась: бельчонок снова вылез наружу, он уже так не дрожал и отполз от дупла гораздо дальше, чем в первый раз. И тут мы заметили, что из окошка выглядывает еще одна мордашка. Второй бельчонок оказался трусоватым: он не стал целиком выбираться наружу, а только высунулся наполовину и быстро скрылся. На третий день мы уже с нетерпением ждали их выхода. Сначала резво появился совсем осмелевший первый бельчонок, за ним – второй, а потом (мы, затаив дыхание, стали считать) – третий... четвертый... пятый... шестой! Они расползлись по сосне, окружив дупло, и замерли, крепко вцепившись в кору. Пообвыкнув немного в таком положении и отойдя от «полуобморока», бельчата с видимым облегчением, по очереди, нырнули назад в гнездо. И только самый «опытный» еще некоторое время в одиночку изучал сосновый ствол со всех сторон, хотя далеко не забирался.

Бельчата крепили и смелели день ото дня. Скоро они уже все вместе шустро бегали по сосне вверх и вниз, шумно скребя по коре коготками; а потом выбрались и на верхние, раскидистые, ветви, по которым «летали», словно бабочки, вздымая кверху прозрачные, воздушные хвостики.

За всё время наших наблюдений мы ни разу не заметили, чтобы мама-белка помогала им осваиваться в окружающем пространстве, всему они постепенно учились сами.

За месяц мы привыкли к их беготне и уже не так часто обращали на них внимание; и бельчата как-то незаметно выросли, освоили ближний лес, а потом и совсем скрылись, перестали возвращаться в родной дом.

Жаль, но почему-то в последующие годы никто так и не поселился в этом дупле. Сначала мы грешили на то, что белки засорили его, и как-то собрались и почистили, воспользовавшись длинным проволочным крючком. Вытащили много сопревшей трухи и зеленую магазинную сетку из-под картошки – не помогло – дупло так и осталось пустующим.

Зимой, на досуге, я прочитала, что бельчата рождаются голыми и слепыми крошками массой около восьми граммов. Глаза они открывают только через месяц после рождения. За этот месяц они, питаясь материнским молоком, вырастают в крепких, покрытых шерсткой зверьков с пушистыми хвостиками, и их непреодолимо начинает тянуть из гнезда – знакомиться с окружающим миром.

Тогда-то я и поняла, что наша белка, натаскав овечьей шерсти в свое гнездо, не убежала от нас, как мы думали, а затаилась. Почти месяц, выкармливая своих детенышей, она вела себя настолько скрытно, что мы не догадывались о её присутствии в дупле, ни разу не засекали, как она выбирается наружу на собственную кормежку. А ей нужно было хо-

рошо питаться, чтобы у нее было достаточно молока: кормить-то надо было шестерых бельчат. Она кормила и терпеливо скрывала своих детей до поры до времени: ждала, когда они, наконец, подрастут, прозреют, чтобы можно было выпустить их, живых и здоровых, на белый свет...

Маленький ужастик

Как-то в мае перекапывала я огород. День был солнечный, жаркий. Дело продвигалось медленно: много сорных корней в прошлом годуросло – всё надо было чистить. Я часто останавливалась передохнуть. И вот, разогнувшись в очередной раз, я вдруг с ужасом увидела, что в одном месте вскопанная земля стала медленно... медленно... медленно... приподниматься. Я сжалась как пружина, готовая отпрыгнуть и бежать прочь. В голове мелькали картины детских страшилок: мёртвая голова... чёрная рука... и ещё бог знает что! А земля, как в замедленной съёмке, продолжала ворочаться и подниматься. Сердце стучало как бешеное, и, когда из земли показалось «НЕЧТО» – большое, серое, уродливое – нервы мои сдали, и из груди вырвался непроизвольный крик ужаса! Парализованная, я неотрывно смотрела, как новоявленный бородавчатый монстр выбирается из земли. Но когда остатки почвы свалились с него, я громко и облегчённо выдохнула: да ведь это земляная жаба вылезла на свет божий после зимней спячки! И как это я не зарубила её лопатой, когда копала грядку!

А жаба медленно поковыляла прочь от опасного места.

По грибы

Как я люблю собирать грибы! Уже зимой начинаю мечтать и вспоминать. Пристрастила меня к этому занятию мама, большой знаток по этой части. Она начала водить меня в лес рано, лет с пяти, и увлечённо передавала мне все секреты бывалого грибника: показывала, какие уголки леса, какие деревья, какие кустики, какие заманчивые полянки для каких грибов годятся, – и их надо обязательно обыскать, а куда – и соваться бесполезно.

Каждый раз, придя из леса, мы садились на лавочку, раскладывали грибы в кучки по сортам и принимались их чистить – это было продолжением удовольствия. Мама оглаживала каждый гриб, сметала мусор, скоблила ножку, вспоминала, где и как мы нашли самые красивые из них. С тех пор я самозабвенно влюбилась в это занятие, стала страстным грибником – как становятся страстными охотниками или страстными рыбаками, а они, как известно, любят прихвастнуть своими успехами. Грибникам это тоже не чуждо. Когда-то я с молодым азартом заявляла, что и зимой из леса с грибами вернусь, – так была уверена в своём грибном нюхе! Азарт и теперь при мне, но я давно уже не бегаю по лесу с непременной целью набить корзину и удовлетворить самолюбие, а стараюсь брать только молоденькие и крепенькие грибочки – пусть их будет немного. Хожу по своим маршру-

там от места к месту, каждый раз знаю, за какими грибами сегодня пошла, и очень радуюсь, когда нахожу их там, где полагается.

Год на год не приходится. Бывает грибное лето – убору нет, а бывает – и до сентября не дождёшься. Конечно, если стоит жара и засуха – грибов не жди. Но не только обильные дожди и тепло влияют на появление грибов – что-то ещё влияет, а что – никто не знает. Грибы – таинственные существа, и поведение их часто бывает загадочным. Без «свистка» – команды «строиться» – они и не подумают вылезать из земли. А уж как им «свистнут» – так в одночасье по всему лесу, как в одной большой семье, начинается рост и шевеление. А вот кто им свистит – неизвестно. И вот ещё загадка: почему команда «на выход» бывает не всегда вовремя, по правилам? Бывает, она по совершенно непонятным причинам задерживается (ждёшь-ждёшь!), хотя уж давно и мокро, и тепло. А бывает, ни с того ни с сего, «свисток» поступает намного раньше обычного срока.

Вот был как-то год, белые грибы выскочили у нас на полтора месяца раньше обычного – в первых числах июля – да так много, да такие красавцы увесистые! Шляпки – светло-коричневые с бледно-лимонным или сливочным подбоем; «ножищи» – белые, дородные, словно на дрожжах распухшие. Были они первозданно чистыми – видно, выросли так стремительно, что никто не успел их даже надкусить: ни

белки, ни слизи, ни грибная муха. Этот календарный сбой – загадка, как и многие другие грибные явления, которые я наблюдала на своём веку.

Замечала я, например, что у каждого вида грибов раз в пять-десять лет случается «эпидемия»: все другие грибы растут в тот сезон как обычно, а этот, «ненормальный», вылезает на белый свет в невероятных количествах – пучками и толпами, часто не выбирая места. Картина эта вызывает у грибника восторг. Сначала метёшь всё подряд в корзину, а потом опомнишься – когда она уже через край – вывалишь остороженько все грибы на траву, да отберешь только самые крепкие, а то и вообще одни шляпки оставишь.

Так, бывало, приходилось мне собирать бледные болотные подберёзовики, толпами растущие на мягких одеялах мха-сфагнума в сырых ложбинах леса; ножки у них вырастают длинными – на всю глубину рыхлого мха. Их молоденькие шляпочки очень хороши для маринования, а взрослые, «целлюлитные», лучше и не брать: пока до дома донесёшь – размякнут в корзине, спрессуются друг с другом – хоть выбрасывай. Но где-нибудь в походе покрошить и сварить такие переростки в общем котле с картошкой и лучком – самое милое дело, варево получается сытное и вкусное.

Лучшая разновидность подберёзовиков – черныши, собирать их одно удовольствие. Эти замечательные грибы не в пример другим собратьям-подберёзовикам знатные крепыши: ножки у них толстенные шершавые, словно одетые в се-

рый вязаный чулок, шляпки твёрдые угольно-чёрного цвета с белым мраморным рисунком – отпечатками травинок и листиков, прикрывавших шляпку во время её роста. Черноголовики – грибы осенние, сентябрьские, растут в сыроватом смешанном лесу, но совсем в болото не лезут. Грибы эти вкусны в супах, в жарёхе; вкусны и красивы в маринаде (плотная белая мякоть с тёмной шкуркой). Очень хорош суп из сушёных чернышей: хоть бульон получается тёмноватый, но вкус и аромат – отменные. Кстати, обычно черноголовики не очень плодильные грибы – пять-шесть штук найдёшь за ходку, но выдавались годы, когда мы таскали их из леса корзинами.

Помню также воистину небывалый урожай розовой волнушки. Ни до того, ни после я такого не видела и приблизительно. Волнушки тогда толпами росли везде, не выбирая места: в лесу, по опушкам, по обочинам дорог и чуть ли ни в поле; они выросли даже у ступенек нашего крыльца, где сроду не росли никакие грибы. Мы «косили» их в немыслимом количестве. Ночью невозможно было заснуть: перед глазами продолжали вереницами бежать волнушки, волнушки, волнушки... Скоро мы устали и бросили это занятие, да и за другими грибами перестали ходить: от невероятного количества волнушек сильно расплодилось грибная муха, – все лесные грибы стали поражаться червяком и превращаться в труху, едва успев вылезти из земли.

Шляпки молоденьких волнушек похожи на разнокали-

берные розовые пуговицы с яркими концентрическими кругами и лохматой бахромой по краю, загнутой вниз и плотно прилегающей к пластинчатой изнанке. У волнушек, как и у других пластинчатых грибов-солонушек (рыжиков, чёрных и белых груздей, гладышей, горькушек и т.д.), на срезе выделяется горьковатый млечный сок, от которого избавляются, вымачивая их сутки-двое в чистой воде. Используют солонушки только на засолку – отсюда и название.

Я всю жизнь солю солонушки маминым способом – самым вкусным и безопасным. После вымачивания обязательно варю их в слабо кипящей воде, пока они не начнут опускаться на дно. Слив отвар, грибы остужаю, перемешиваю с резаным чесноком и крупной солью (30г на один литр отвара грибов) и выкладываю в кастрюлю, послойно перемежая листом смородины, вишни и зонтиками укропа. Прикрываю сверху чистой тряпицей, подоткнув её по стенкам, кладу на неё перевёрнутую тарелку и устанавливаю булыжник. Чтобы плесень в процессе квашения не проникала в грибы, создаю «затвор», доливая в кастрюлю подсоленной воды на два-три пальца выше тарелки. В течение нескольких дней не возбраняется пополнять кастрюлю новыми грибами, не забывая оставлять борта для водяного затвора. Квасятся мои грибы недели три-четыре на прохладной веранде, и, как наступит срок, – пожалуйста – можно приступать к дегустации. Заправленные репчатый лучком и подсолнечным маслом грибы едим с горячей молодой картошкой, – вкусно! –

не оторваться. Вот она (кто не пробовал) – классика русской кухни. Кстати, чтобы приспособить куда-то лишние грибы, мама, бывало, пускала в засолку всё подряд: и сыроежки, и подосиновики, и подберёзовики, и белые, и даже лисички. Пестрота в ведре получалась необыкновенная, хоть рисуй!

Конечно, главным деликатесом среди солонух считаются сосновые рыжики – нарядные оранжевые крепыши с хорошо «прорисованными» концентрическими кольцами на крутобоких шляпках. Рыжики солят сырыми, бывает, даже не моют, чтобы не повредить красоту, а только обтирают влажной тряпочкой и укладывают в посуду слоями, пересыпая крупной солью. И не дай бог использовать при засолке какие-либо пряности! Консервативные знатоки считают, что те безвозвратно забывают истинный вкус рыжика. Однако многие хозяйки пренебрегают этим жёстким советом и рыжики перед засолкой моют и ошпаривают. И все обычные пряности в засол добавляют, а для особого эффекта даже веточки можжевельника сверху кладут. И вкус, говорят, получается прелестный! Но своего опыта у меня по части сосновых рыжиков нет – в наших местах они не растут. Изредка, по нескольку штук, встречаются еловые рыжики – и всегда червивые. Еловые рыжики, в отличие от сосновых, имеют тонкую плоскую шляпку и невзрачный серо-зелёный окрас, через который намёком просвечивает охра. В народе их называют синяками, – они действительно очень похожи по «палитре» на отцветающий фингал, и только на разломе имеют

яркий морковный цвет. В ведре с готовыми солёными грибами несколько-то еловых рыжиков у меня всегда отыщутся, правда, вкус у них в общей массе получается «усреднённым по ведру» и индивидуальностью не отличается.

Очень хорош в засолке белый груздь, его называют царским грибом. Даже в соленье он сохраняет свою парафиново-белую красоту, а вкус имеет отменный. Белые грузди встречаются не повсеместно, не в каждом лесу; выбрав себе когда-то достойные места обитания, они растут на них десятками лет, никуда не переселяясь. Однако даже в этих редких излюбленных местах их с годами становится всё меньше и меньше. Объяснить это можно и ухудшением экологии, и постоянными теперь сезонными катаклизмами.

Чёрные грузди называют так по контрасту с белыми груздями. На самом-то деле они не чёрные: шляпка и ножка у них болотного цвета (цвета хаки), а пластинчатая изнанка светлая. Мякоть на разломе белая и плотная. Но в засолке чёрные грузди, словно осенние листья, меняют цвет, приобретая удивительную сине-вишнёвую палитру.

Когда идёшь за чёрными груздями, ориентироваться надо, как правило, на отдельно стоящие ёлки и искать вокруг них. Конечно, лучше, когда знаешь и помнишь места, где они из года в год растут, – не будешь тратить своё время впустую, бегая по лесу в поисках.

Очень любят чёрные груздочки лепиться на разных прищипках, по стенкам неглубоких ямок и канавок. Соби-

рать чёрные грузди всегда увлекательно: они так маскируются под опавшей хвоей, что надо долго топтаться на известных местах, присматриваясь к силуэтам палого лесного мусора, чтобы заметить торчащий из-под покрова краешек груздя. Бывает, и раздавишь ненароком! Но какое удовольствие выгребать из-под иголок сразу по нескольку штук крепких коренастых грибов в «защитных гимнастёрках», подрезать им ножки и аккуратно укладывать в корзинку. Шляпки их с тёмными кольцами напоминают ржавую крышку от консервной банки. Но случилось и наоборот – ржавую банку, торчащую из земли, за груздь примешь!

И, наконец, самые распространённые в наших местах солонушки – это гладыши, которые я числю в ряду самых своих любимых грибов. Когда в лесу появляются гладыши, моё внимание почти полностью переключается на них. Я обхожу, не считаясь с расстоянием, все известные мне берёзово-ольховые куртины, в которых они растут из года в год; и когда нахожу их целыми семействами, испытываю истинное удовольствие. Молодые гладыши с крепкими серо-фиолетовыми шляпками очень хороши. И хотя с возрастом шляпки у них расправляются и выцветают, становясь бледно-жёлтыми, привлекательности своей для меня они не теряют.

В засолке гладыши превосходны – эластичные, пряные, вкусные!

Первые июньские грибы в народе называют колосовиками

(в это время рожь начинает колоситься), чаще всего – это подберёзовики или подосиновики. Они обычно немногочисленны: два-три найдёшь в случайных местах. Выскакивают колосовики вроде как на пробу, подразнят и тут же пропадут. А вот лисички уже с июня могут регулярно радовать полноценным урожаем и вкусной жарёхой. Как подходит время, начинаю бегать на известные мне полянки, проверять, не проклюнулись ли из-под хвойной подстилки маленькие рыженькие кнопочки. Если проклюнулись – то через неделю можно идти собирать. Лисички имеют свой «фирменный» аромат, который ни с каким другим не спутаешь даже с закрытыми глазами. Кроме того, они никогда не бывают червивыми. Однако лисички быстро надоедают, и, увы, перестаёшь их брать, когда появляются более привлекательные грибы.

Сыроежки – тоже ранние грибы, всё лето они путаются под ногами, семафоря красными шляпками. Но я их не люблю и не беру. Грибы эти безвкусны и крошливы, да и червивость у них всегда зашкаливает. Однако некоторые хозяйки квасят их вместе с солонuşками и бывают очень довольны результатом: в пряном рассоле они остаются крепкими и набираются вкуса.

За лисичками выскакивают в июле и мои любимые маслята! Я с большим удовольствием собираю их весь сезон, и это удовольствие не тускнеет даже поздней осенью, когда приходится выскивать последние грибочки в отошедшей от

утреннего инея траве. Я ценю их не меньше белых грибов – уж больно они хороши!

Чтобы маслята пошли, нужны дожди, и лучше, если тёплый морозящий дождик нудит несколько дней подряд, глубоко промачивая почву и грибницу. Такая погода бывает сигналом для того, чтобы сбегать на разведку, – я так и делаю – и очень радуюсь, когда не ошибаюсь.

Маслята предпочитают открытые места: опушки, обочины лесных дорог, чистый сосновый бор с солнечными полянами на лысых взгорках. Собирать грибы в таком лесу только в радость. Устанешь – сядешь отдохнуть где-нибудь на ветерке, заодно и грибочки переберёшь: ножки подрежешь, червивые отбракуешь. В таких местах, кстати, и белые грибы растут, но они появляются обычно позже, в августе.

Идёшь и встречаешь иногда на обочине семейку сковырнутых чьей-то ногой крепеньких маслят, – кто-то явно принял их за поганки и забраковал: белая плёнка под шляпкой часто вызывает у новичков сомнение. Ну и ладно, думаю, мне больше достанется! Подберу их, аккуратно отрежу ножки и положу в корзинку. А неизвестного грибника похвалю за осторожность, он правильно поступил: не надо трогать неизвестные тебе грибы, – можно испачкать руки и рабочий нож сильнейшим ядом, которого хватит потом для смертельного отравления.

Как хорошо захватить самое начало сезона маслят в лесу! Пока грибочки молодые, непереросшие, и грибная муха

ещё не успела разгуляться. У крепких молоденьких маслят небольшие покатые шляпки, затянутые снизу белой плёнкой. Под плёнкой прячется нежная сливочная изнанка, часто усыпанная «маслянистыми» капельками. В зависимости от вида и условий произрастания цвет у маслят бывает разный – от рыжевато-бурого до тёмно-коричневого; но встречаются и сероватые, почти белые маслята. «Резиновая» кожица отделяется от шляпки очень легко, – достаточно подцепить её острым ножичком и стянуть в один-два приёма. Однако совсем маленькие грибочки, которые скользят и крутятся в щепотке, чистить трудно, – лучше такие вовсе не брать, пусть сначала подрастут.

Вкус у маслят нежный, слегка отдающий хвоей. Из них можно и суп варить, и жарить; отварные маслята можно заморозить в пакетиках, а зимой использовать их точно так же, как свежие. Маринованные же маслята – это классика! – маленькие, вертлявые, не сразу-то вилок подцепишь. Для этой цели берутся только небольшие, крепенькие грибочки. А маринад простой: вода, соль, сахар и уксус. Пряностей лучше не добавлять, они перебьют собственный аромат маслят.

Храниться маринованные грибы в закатанных банках могут до трёх лет. Когда зимой откроете банку, слейте маринад, заправьте репчатым лучком, подсолнечным маслом и хотя бы час дайте настояться в холодильнике. Успех вам обеспечен, – эта закуска по праву считается изысканной!

Расскажу, как однажды маслята, словно в благодарность за особое к ним отношение, преподнесли мне необыкновенный сюрприз на окончание дачного сезона. Случилось это много лет назад, в конце ноября. Осень тогда продержалась необычайно тёплая и сухая, ночных заморозков почти не было, и мы, пользуясь этим, до упора продолжали ездить на дачу по выходным, – дел там всегда много. Однако пришла пора, и сезон поневоле пришлось завершать: дни стали слишком короткими и тоскливыми, солнце, если появлялось, ползло низами, а к четырём часам и вообще проваливалось за лес; погода сломалась, задул сырой, противный ветер, бессмысленно гнавший по небу грязные клочья. Ждать, кроме снега, было уже нечего, – наступила пора забираться в берлогу. И это был наш последний выезд на дачу. Вдруг среди дня прибегают запыхавшаяся соседка и возбуждённым голосом кричит через калитку: «Маслята пошли!» Я решила, что она шутит, – декабрь на носу! Но Ольга возбуждённо поведала, что, будучи по каким-то своим надобностям в лесу, неожиданно наткнулась в молодом сосняке на поляны маслят, пришлось домой за корзинкой бежать.

Что тут говорить о чувствах сумасшедшего грибника, которые вздыбились в моей душе. Я плюнула на все оставшиеся до отъезда дела – схватила ведро и ринулась в лес. Надо было торопиться: через два часа темнеть начнёт, а ведь только дорога до нужного места занимала около получаса. Пришлось почти бежать напрямую по кочкам, по черничнику,

прыгать через канавы, продираться сквозь прутья давно облетевших кустов. Наконец я добралась до своей цели – широкой лесной дороги, на которую уж и не предполагала попасть до следующего лета. И почти сразу, на широких обочинах, усыпанных сосновой хвоей и поросших мелкой травкой, увидела бегущие вдоль дороги вереницы маслят, неизвестно как появившиеся здесь глухой осенью. Не теряя времени на размышления, я стала шустро таскать грибы из подстилки и, отрезав мусорную пятку, кидать в ведро. Маслята были уже взрослыми, с развёрнутыми шляпками, слегка поеденные слизнями, но крепкими и чистыми. Подгоняемая наступающими сумерками, я быстро продвигалась по обочине всё дальше и дальше. Когда ведро наполнилось, я наконец-то утомилась. С трудом распрямившись, сунула ножик в грибы и удовлетворённо ухнула. Подступал скудный ноябрьский закат, и на дороге, под высокими соснами, было уже сумрачно. Мне оставалось всего полчаса, чтобы добраться домой до темноты.

На следующий день, уже в городе, я сварила из этих маслят суп. Он получился божественно вкусным – шедевром в своём роде. Наш приятель, зашедший в тот вечер на огонёк, примолк и не мог оторваться от тарелки. Да и все домашние, привыкшие к моей грибной стряпне, ели да похваливали. Даже летом не получалось такого изысканного блюда. Выросшие в холодной осенней сырости, без летнего солнца, маслята оказались нежнейшими на вкус.

Рецепт супа до крайности прост: порезать и отварить маслята; добавить в кастрюлю луковичку, морковинку, несколько небольших картофелин и лавровый листик. Уже в тарелку каждому едоку надо обязательно покрошить по целому крутому яйцу, положить ложку сметаны и щепотку укропа. Яйцо делает суп сытнее, а, главное, подчёркивает и усиливает вкус варёных маслят, которые, кстати, при варке скручиваются улитками и сами проскальзывают в рот, – чудо!

Вот такой сюрприз преподнесли мне маслята поздней осенью на отъезд. И эта история, к слову, ещё один удивительный пример непредсказуемого поведения грибов – совершенно необыкновенных живых существ. А сколько ещё историй бывалый грибник может рассказать!

За долгие годы увлечения грибной охотой появились у меня некоторые «хитрости» в этом деле. Лес свой я знаю давно, и грибные маршруты мои – хоженные-перехоженные. До сих пор помню ямки и канавки, где я находила грибы ещё в годы своего знакомства с лесом, – на иных они давно уже не растут, а другие плодоносят до сих пор. Новые же места, бывает, отмечаю крепким сучком, воткнутым в землю и приклонённым к сосне, у которой нашла породистый белый гриб впервые. Эти палочки стоят у дерева по многу лет, и каждый раз служат мне точным ориентиром грибного местечка. Чтобы мои секретные кочки не стали всеобщим достоянием, никогда не оставляю рядом с ними резанные червивые гри-

бы, а отбрасываю их подальше, чтобы не давать наводку смекалистым грибникам и не разводить на своих заимках грибную муху. А старые крупные шляпки, бывает, закладываю под моховую подстилку в подходящих местах для разведения новой грибницы.

Когда начинается долгожданный грибной слой, тут уж, считай, недели две «живёшь» в лесу, не хочется терять и дня отпущенного природой удовольствия. Я не бегу в лес с раннего утра, чтобы опередить всех, но, тем не менее, как охотничья собака нервничаю и «принимаю стойку», когда, не успев выйти из дома, уже встречаю грибников, выходящих из леса с полными корзинами. Правда, зачастую в корзинах у них громоздятся длинноногие переростки, даже не проверенные на червивость, – довезут до дома и, как пить дать, выбросят половину. Я припускаю шаг и тешу себя надеждой, что мои-то заветные грибочки дожидаются меня в положенных местах.

Однако, скажу вам, случаются в лесу кроме «чайников» и настоящие, ушлые, грибники, которые «компасом» чувствуют грибы и с успехом обставляют всех. Выходят такие охотники с рассветом, в одиночку, и методично, не расслабляясь, прочёсывают все подходящие лесные квадраты; обновят и мои потаённые места, оставляя после себя только свежие обрезки. Вот уж у кого в корзинах полный порядок! И тут уж ничего не попишешь, – снимаю, как говорится, шля-

пу.

Отмечу, всё-таки, что мне совершенно не близок такой «десантный» подход к этому многогранному удовольствию.

По лесу хожу я долго, бывает, часов по пять, ведь цель моя не только грибы: в лесу я – дома, в лесу душа отдыхает, лечится, отступают все хвори. В лесу я питаюсь ни с чем несравнимой энергией природы и запасаю её впрок. А глухой, тёмной зимой пользуюсь этими запасами: закрываю глаза, и передо мной один за другим в самых мелких деталях возникают любимые пейзажи: солнечный день, широкая песчаная дорога, рыжие сосны, шумные осины; короткая оглушительная гроза в лесу, ливень стеной. Вижу, как перед грозой лес испуганно замирает, – и немудрено: из-за деревьев, быстро заполняя небо, выдвигается чёрная туча. Через минуту налетевший шквал уже рвёт берёзовые ветви и исто-во раскачивает стволы сосен. От раската грома трескается небосклон от горизонта до горизонта.

Но с особым замиранием души я вспоминаю серенькие дни с морсящим дождичком, обочины с побуревшей, обвалившейся набок травой, себя на осенней дороге с ведром мокрых грибов в руке. В сиротливой тишине позвякивают в кустах, как монетки в кармане, невидимые пичужки. Эти неяркие картины невыразимо прекрасны своим зыбким спокойствием и благословенным безлюдьем...

Страшная ночь

Сколько белых грибов уродилось в то лето – сказка! На две недели, пока шёл этот «сказочный» слой, дом наш превратился в настоящую заготконтору. С утра до глухой ночи я собирала, чистила, мариновала и сушила драгоценную добычу. Дом пропах маринадом и хлебным духом сохнувших над горячей печкой грибов, а на полках выстраивались батареи банок с готовой продукцией – маринованными грибочками необыкновенной красоты и аппетитности.

Так уж сошлось, что в разгар этой страды все мои домашние уехали на несколько дней в город, и я осталась на даче в одиночестве, чему была даже и рада: не надо было отвлекаться на готовку, обеда и ужины по расписанию. Едой я не заморачивалась – «клевала» на скаку что придётся. В лес уходила надолго – хотелось обойти все заветные места – и домой, в результате, возвращалась перегруженная, неся тяжесть в обеих руках и валясь с ног от усталости. Но грибы долго не хранятся, их надо было сразу переработать: крупные – нанизать на шампуры и расставить сушиться на печку, а шляпки небольших грибочков – отварить, замариновать и закатать в банки. В кровать я падала за полночь и засыпала, едва успев накрыться одеялом.

Один из таких дней выдался сильно ветреным, а к вечеру на Ладоге и вовсе разыгрался шторм. Прибрежный лес

метался и выл под шквалами. Тяжёлые беспросветные тучи, только что не с грохотом, катили по небу. Не умолкая, бушевал прибой, перекрывая яростью вой леса, – его было слышно даже у нашего дома, в километре от берега.

Мне, однако, было не до стихии. Потев мелким бисером от пышущей печки, уставленной грибами, от электрической плиты с четырьмя конфорками, работающими на полную мощность, я крутилась как заведенная, собрав в кучку последние силёнки и терпение. Кипящая ведёрная кастрюля извергала к потолку клубы густого грибного пара, пыхтели и стерилизовались над бидоном перевёрнутые банки, а в бурлящем кипятке брякали сложенные рядами крышки. И вдруг(!) – погас свет. От такой неожиданной подлости я на какое-то время безвольно окаменела в наступивших потёмках. Всё. Точка. Плита не горела, брякающие крышки в кастрюле постепенно затихли.

Когда я выбралась на улицу и увидела вдаль, за мятущейся листвой, привычные огоньки в соседских домах, стало ясно: не ураган оборвал линию, а наша собственная электропроводка с самодельными «жучками» вместо предохранителей не выдержала многодневного насилия четырёх работающих на полную мощность конфорок. В новом доме, где мы жили первое лето, электрощит ещё не был установлен, и электричество в дом подавалось по кабелю-временке от нашей старой избёнки, в которой, похоже, и надо было искать источник аварии, – туда я и потащилась.

Под навесом избушки сильно разило горелой пластмассой. Чтобы отключиться от сети, я немедля опустила вниз ухватистую пластмассовую ручку на старомодном чёрном рубильнике, громоздящемся на подпорном столбе навеса. Причина аварии обнаружилась сразу: прогорела и сильно оплавилась розетка, в которую подключался кабель-временка. Я дёрнула на себя вилку, и она рассыпалась вместе с покорёженной розеткой.

Подступала темень. Ветер, истово рвущий забытое на верёвках бельё, не собирался стихать. Помощи в такое время искать было негде. От безвыходности, не надеясь на успех, я самостоятельно взялась за ремонт. Долго в полутьме, под вой шторма, я лихорадочно и неумело зачищала, скручивала и заново привинчивала провода; верёвочкой, найденной тут же на гвоздике, по-бабьи скрепляла половинки развалившейся вилки (рассмотрела я потом, на свету, что это за верёвочка!). У меня постоянно что-то падало из рук, и я подолгу искала потерянную деталь на мусорном полу. Процесс затягивался...

Когда в результате, измученная, я воткнула вилку в розетку и с замиранием подняла кверху набалдашник рубильника, – окна в доме (какое счастье!) вспыхнули ярким светом. Я ухнула с облегчением...

Вернувшись в дом, подбросила дров в прогоревшую печку и снова обречённо захопотала вокруг банок и кастрюль.

Глухой ночью, когда последние банки с грибами были за-

купорены и поставлены в рядок остывать, я вышла на веранду и открыла дверь, чтобы глотнуть перед сном свежего воздуха, – в дом, как из разверзшейся чёрной преисподней, тут же ворвался ветер – шторм продолжал бесноваться! На мгновение показалось, что бушующая тьма поглотила всё живое, но на другом берегу реки вдруг проклюнулся мерцающий огонёк...

После изнурительного, растянутого почти на сутки, напряжения сил резко накатила усталость, глаза закрывались сами собой, и я собралась уже захлопнуть дверь, как вдруг услышала, или скорее почувствовала, невдалеке от дома что-то неладное. Напрягая слух и зрение, стала вглядываться в темноту, пока сквозь шум ветродуя снова явственно не прорезались те самые странноватые звуки, которые насторожили меня перед этим. Звуки явно были человеческими: то ли кто-то скулил, то ли пьяненько напевал какой-то неверный мотивчик. Сердце заколотилось, я замерла на пороге, лихорадочно соображая, как и зачем этот «кто-то» смог пробраться к дому в полной темноте, минуя забор и запертые ворота (что и днём не так-то легко сделать), да ещё в такой шторм, когда и собаки-то все по домам сидят. Меж тем «пение» прекратилось, и первой мыслью было, что меня засекли на фоне светящегося проёма, – я тут же захлопнула дверь и накинула крючок. Крючок был хиловат, и при желании, сильно дёрнув дверь, его несложно было оторвать. Врезного замка тогда ещё не было, дом при отъезде запирался на ви-

сячий. Я судорожно оценила ситуацию: дверь открывалась наружу – не подопрёшь изнутри, да и окна, хоть и высокие, можно разбить, чтобы пробраться в дом. Страх нарастал: я поняла, что оказалась в западне, и защиты у меня нет никакой. Единственное, что пришло на ум, это нашарить в тёмной кладовке топор – оружие, которым я и воспользоваться-то никогда бы не смогла. Пристроившись у двери с топором в руках и приложив ухо к щели, я ждала, когда угроза приблизится вплотную.

Время шло, а преступник не торопился. Переминаясь с ноги на ногу, я изнемогала от усталости, но страх не разрешал мне покинуть пост. Долго ли, коротко, но что-то лопнуло у меня в груди: «Хватит бессмысленно ждать, надо что-то предпринимать!» Я откинула крючок и резко открыла дверь: «Кто здесь?!» – громко рявкнула я, но шквал с лёгкостью проглотил звук. «Кто здесь?!!» – рявкнула ещё раз, срывая голос, – никакой реакции. В голове промелькнула нездоровая мысль: «Затаился гад!» Это ещё больше взбудоражило мой страх. Захлопнув дверь, я в изнеможении опустилась на пол с топором в руках: «Буду сторожить хоть до утра, спать нельзя». Сидеть на полу было тяжело, а ноги уже совсем не держали. Притащив табуретку, я уселась рядом с дверью и, прислонившись к стенке, отчаянно приготовилась ждать неизвестно чего. Ничего тем временем не происходило, и, теряя выдержку, я несколько раз приоткрывала дверь, чтобы оценить ситуацию: пение не прекращалось, – мне даже ка-

залось, что я различаю отдельные слова. Поющий, однако, к дому не приближался – почему? Какая у него цель?

«Долго ли, коротко ли» я так сидела, но силы мои иссякли: «Всё, больше не могу! Надо лечь! Прихватчу топор и буду, лёжа, не закрывая глаз, ждать дальнейшего развития событий». Так я и сделала. Свет не погасила, чтобы злоумышленник знал, что в доме «бдят».

...Очнулась я от яркого солнца, заполнявшего дом. Стояло безмятежное тихое утро, а под потолком горела бесполезная лампочка. Рёбра ныли: сунув руку, я вытащила из-под себя топор, неведомо как там оказавшийся, встала и поплелась на улицу, растирая на ходу занемевший бок.

После изнурительной ночи в природе наступил полный штиль, вокруг всё отдыхало, сверкая тихой солнечной радостью. По всему двору, как на поле битвы, были раскиданы тазы, вёдра, дачные стулья. Бельё, пережившее шторм, было или сорвано с верёвок, или намотано на них самым немыслимым образом.

Больше всего меня, конечно, интересовали следы ночного пребывания невыясненного лица. Проведя тщательный осмотр территории, я так ничего и не обнаружила: разбойник исчез бесследно. Да и ладно! Главное – жива осталась, а вечером мои приедут, до них ещё и за грибами сбегать успею. Но прежде, чем пойти позавтракать, заглянула под навес избушки, проверить на свету, как выглядит моя отремонтированная электрика. Всё вроде было терпимо, но тут я

рассмотрела верёвочку, которой были скреплены две половинки развалившейся вилки, – это была снятая чулком высушенная змеиная кожа! Меня коротко передёрнуло от запоздалого ужаса. А происхождение шкурки я сразу вычислила: Коля, наш «мастер-универсал», года полтора живший в избушке пока строился новый дом, повесил сушиться на гвоздик заготовку для какой-то своей поделки, да и забыл про неё.

Тайна незабываемой ночи неожиданно раскрылась через год. Следующим летом случился у нас на Ладоге подобный же шторм (грибы, правда, не уродились в тот сезон, да и во время шторма была я на даче не одна – вся семья была в сборе). Выйдя поздним вечером за какой-то надобностью из дома на клокочущий ветер, я неожиданно услышала в темноте знакомое гнусавое «пение» – не раздумывая, направилась прямо на звук, благо в доме у меня было полно защитников...

...Посредине двора, перед крыльцом, стоят у нас рядышком две сосны; между ними установлен самодельный турник – отрезок водопроводной трубы, намертво закреплённый с двух сторон вбитыми крючьями. С годами деревья «растолстели», крючья окончательно выросли и почти затянулись сосновой плотью. Когда штормовой ветер с неистовой силой раскачивает деревья, труба начинает с усилием ёрзать по выросшим крюкам и – петь, петь, петь – скрипуче, жалоб-

но, пьяненько и так по-человечьи, что даже слова какие-то чудятся...

Деревня Гадюкино

Свою любимую дачу на Ладого мы иногда в шутку называем «деревней Гадюкино», и недаром наши знакомые после отпуска первым делом спрашивают: «А как там ваши змеи поживают?» «Поживают, – отвечаем, – и очень даже неплохо!»

А что им не поживать? Усадьба наша расположена в лесу, на берегу речки, а слева, вдоль забора, ещё и ручей в речку течёт в тенистом овражке, заросшем густой травой и кустами, – рай для гадюк. Спустилась я недавно в этот овражек с серпом, чтобы осоки нарезать, нагнулась – а там торчит «красавица» в позе кобры, на изготовке в мою сторону! Меня как ветром сдуло, и осока сразу разнадобилась. Кормовая база у гадюк здесь богатая – лягушек полно: вечером сойдёшь с крыльца, а они так и шарахаются из-под ног, иногда и в дом запрыгивают. Вот так уже много лет мы и соседствуем со змеюшником, а куда денешься?

Как только снег по весне сойдёт, солнышко припечёт, так гадюки и начинают то там, то сям выползать из своих зимовищ на нашу светлую поляну, как на пляж, греть свои хладнокровные тела. Не подумайте, что змеи только и делают, что путаются у нас под ногами, – нет, и ещё раз – нет! Они слышат присутствие человека, и сами его опасаются, а при встрече стараются сразу же скрыться с глаз долой. Слышат

гадюки не ушами (ушей и барабанных перепонок у них нет), а очень хорошо чувствуют вибрации земли от человеческих шагов. Поэтому кричать: «Змеи! Расходись!!» – бесполезно – не услышат. Надо просто сильно топтать ногами, приближаясь к заведомо змеиным местам.

Топать-то мы топаем, но надоедает это! Приходится, чтобы не дёргаться, ходить всё лето по закоулкам своего огорода в резиновых сапогах. И всё-таки однажды потеряла я бдительность и получила «своё».

Змей я боюсь как обезьяна! Это чувство атавистическое, и с ним трудно справиться. Даже книжную страницу со змеёй на картинке стараюсь скорее перевернуть. Не понимаю людей, которые могут взять змею в руки, – я и ужа пальцем потрогать не смогу. Раньше я никогда не встречала змей в живой природе, ну а как поселились на Ладогe, невольно пришлось с ними познакомиться. Долго привыкала, чтобы, по крайней мере, судороги не случались при встрече. А то ведь поначалу как в лесу увидишь змею, так забываешь про грибы-ягоды – и поворачиваешь к дому. Всё. Настрой сбит. А чего боишься – на то и напорешься.

Как-то приехали к нам на дачу друзья, и повела я подружку посмотреть огород, да забыла сапоги надеть – пошла в шлёпках на босу ногу. Около грядки с раскидистыми кабачками я вдруг почувствовала, что уколола большой палец ноги какой-то колючкой, – нагнулась посмотреть и с ужасом увиде-

ла, что под ногами крутится гадюка, угрожающе виляя рисунчатыми петлями! Я просто взорвалась воплем: «Змея-я-я!!! Меня укусила змея-я-я!!!» Крик мой, как оказалось потом, даже соседка слышала, которая не близко живёт. В смятении все собрались вокруг меня, хотели в больницу везти, но я наотрез отказалась, а муж мой Юра, врач, стал немедленно оказывать первую медицинскую помощь – выдавливать из пальца яд вместе с кровью. Он так старался, что под ногтем возникла чёрная гематома, которую, в свою очередь, тоже пришлось удалять, прожигая ноготь раскалённым на огне гвоздиком. Все тридцать три удовольствия! От этих процедур мне стало худо, весь день я лежала и постанывала от боли в пальце и накотившей дурноты. Однако медицинские мероприятия, как ни странно, помогли: хватило дня и ночи отлежаться, и уже на следующий день я «побежала» за грибами вместе с гостями, а о змеином укусе напоминала только припухлость ноги от ступни до колени.

Змею Юра потом выследил (там же, под широкими листьями кабачков) и «приговорил», чтобы, не дай бог, следующий раз, когда я нагнусь за кабачком, она не укусила бы меня уже в руку!

Змеи выбирают себе подходящие «угодья» и живут на одном месте годами, и убежище там же имеют постоянное: нору какую-нибудь, щель под гнилым пнём, груды камней или старую кучу валежника. Не один год подряд, собирая в лесу

грибы, мы встречали в поросшем осокой песчаном карьере, рядом с замшелой кучей битых кирпичей, большую седую змею с чёрным узором, гревшую на осеннем солнышке после холодной ночи. Как старой знакомой мы даже имя ей дали – Мариванна, а потом и карьер её именем стали называть. Несколько лет прошло, а нынешней осенью я опять заметила её на том же месте: свернулась старушка кольцами и мертвецки спит на виду у всех. Да и смешно в её возрасте бояться кого-то! Смотрю и думаю: а жива ли? На обратном пути снова заглянула: солнце уже не было, а её и след простыл.

Как-то напала я в лесу на богатые брусничные кочки; ягоды были недозрелыми, и пришлось отложить их сбор. Но уже через две недели прибережённая брусника обрадовала меня восхитительной лакированной спелостью. Полюбовавшись, я принялась аккуратно обирать увесистые гроздочки. Но радость моя в мгновение ока испарилась, когда среди брусники я увидела чёрную змеищу, вальяжно расположившуюся на солнышке, – я резко отпрянула, – ну что ты скажешь! Потопталась я, потопталась да и ушла, а через несколько дней снова туда заглянула. И что вы думаете? И брусника была цела, и змея – на прежнем месте! То-то никто до меня не позарился на такие замечательные ягоды, хотя место было не глухое, грибники постоянно ходят. Рядом я заметила полусгнившую, заросшую травой, кучу валежника – логовище змеиное – и поняла: никуда она отсюда не уйдёт!

Так и оставалась брусника необобранной, хорошо её «сте-

регли». Наверняка потом, в один из пасмурных деньков, кому-то и повезло собрать это богатство, избежав встречи со «сторожем», а я больше туда не заходила.

Опыт показывает: не стоит бояться местной гадюки – это вам не кобра и не гюрза. Но поглядывать, что у тебя под ногами, когда за грибом наклоняешься или ягоды собираешь, надо. А главное – ходить по лесу в резиновых сапогах. И, смельчаки, сами не задирайте гадюк из любопытства – не лезьте на рожон!

Птицы, птички и пичужки

Живём мы на дачах среди птичьего гама и щебета и часто не подозреваем, что вся эта голосистая мелкота тут же рядом тайно и гнездится. И только осенью, когда опадёт листва, обнаружишь ненароком отслужившие ладные гнёзда-корзиночки то в кусте чёрной смородины, то в зарослях малины, да и в других самых неожиданных местах. Прячут пичуги свои домишки от многих хищников, которые не против поживиться их яйцами и птенцами: кошек, белок, ворон, ястребов; да и человеку не доверяют. Однако внимательный наблюдатель всегда может выследить, куда парочка неугомонных родителей таскает всяческую снедь: то, смотришь, мотылька в клюве держит, то гусеницу упитанную, – и так целый день. И не дай бог подойти к птичьему гнезду слишком близко – такой переполох устроят! И всё для того, чтобы отвлечь ваше внимание от птенцов; ну а те, услышав загрохотавшие родительские крики, приникнут мгновенно к доньшку своей люльки – и молчок...

Таская своим детишкам корм, птицы не сразу ныряют в гнездо: присядут сначала где-нибудь недалеко, держа добычу в клюве, тщательно осмотрятся, а если надо – и подождут, пока опасный объект скроется из поля зрения. Услышав прилетевшего в гнездо кормильца, птенцы как по команде вытягивают навстречу широко разинутые жёлтые глотки

и начинают громко, наперебой, верещать: «Мне! Мне! Мне! Дай мне!» За день заботливые родители всех накормят, никого не обделят. Недели три – и, смотришь, уже выросли и из гнезда выпорхнули! Сидят неуклюжие слётки на жёрдочках, покачиваются неуверенно (хвостики-то, балансиры, ещё как надо не отросли) и непрерывно подают голос родителям: «Фюить-фюить-фюить!» – мол, я здесь, дай есть! И родители ещё какое-то время за ними присматривают и кормят.

Какие только «соседи» рядом с нами не жили. Конечно же, никогда не изменяющие нам жильцы – трясогузки. Их излюбленные места для гнёзд – лазейки под шиферной крышей, но однажды, в наше недельное отсутствие, парочка трясогузок устроила гнездо в приоткрытом парнике – прямо на земле, по соседству с огурцами, – и даже успели отложить туда штук пять симпатичных пёстрых яичек. Мы смирились с таким неудобством и старались без дела их не тревожить. Но те быстро управились: высидели, выкормили своих птенцов и освободили территорию.

Целыми днями бегают трясогузки по тропинкам, потряхивая длинными хвостиками («тряся гузками»), ловят мошек и высматривают в траве всяческих огородных вредителей. Очень любят свежевскопанные грядки: стоит отойти от лопаты – они тут как тут – выклёвывают червячков и личинок, прежде хоронившихся в земле.

Было, правда, одно лето, когда трясогузок и другую пти-

чью мелочь словно ветром сдуло с нашей территории. А не рискнули птахи поселиться на своих давно обжитых местах потому, что перед домом на высокой сосне, в старом вороньем гнезде, устроилась семья грозной пустельги – небольшого сокола с опасным крючковатым клювом. Крик у неё резкий, звонкий, металлический, как звук циркулярной пилы: «Ций-ций-ций-ций...» – далеко по округе слышен. Мелко трепеща крыльями, пустельга зависает в воздухе, высматривая на земле добычу. Ловит она и мышей-полёвок, и птенцов, и мелких птиц. И кто же после этого захочет поселиться рядом?! Однажды я была свидетелем погони сокола за какой-то птахой, которая, к удивлению, оказалась большой умицей: не имея никаких шансов удрать от преследователя, пичуга целенаправленно, с лёту, проскочила через ячейку забора, а догонявший её хищник с размаху врезался в сетку, распластав крылья. Обошлось без травм. Был как-то подобный случай со мной и в лесу: такая же сообразительная птичка, «улепётывая» от пустельги и ища спасения, кинулась мне на грудь, – слава богу, что пустельга успела затормозить в воздухе и не ударилась в меня когтями! Умеют, оказывается, даже небольшие птахи стремительно оценить и найти выход из патовой ситуации.

Жили у нас под крышей сарая и ласточки, лепя свои гнёзда в стыках стропил, но соседские кошки, привлечённые их бесконечным шмыганьем туда-сюда и громким верещанием

птенцов, не однажды умудрялись добираться до гнёзд и ронять их на землю.

Любят ласточки большими компаниями сидеть на проводах, опустив вниз раздвоенные хвостики, и упоённо щебетать. А мы радуемся, слушая их счастливую песню: лето в разгаре! Когда-то в моём детстве бабушка скороговоркой подражала их удивлённому щебетанию: «Улетали – молотили, прилетели – па-а-шут! Улетали – молотили, прилетели – па-а-шут!...» С давнишних времён люди пахут, сеют и убирают хлеб, а ласточки и поныне не устают удивляться...

В дупле большой и толстой сосны рядом с домом каждый год селились стрижи. Целыми днями чёрными стрелами с весёлым свистом мелькали они над нашими головами, таская мошек своим птенцам. Но как-то по весне их дупло заняла белка с выводком, и стрижам, прилетевшим позже, пришлось ретироваться. В последующие годы они так и не вернулись в опустевшее гнездо, видно, привыкли к новым местам, а наше дупло забыли.

Расскажу ещё интересную историю, связанную с птичьим гнездом. Стала я однажды замечать, что где-то под навесом крыльца то и дело верещат невидимые птенцы; а как ни выйдешь на крыльцо – рядом, на ближнем кусте, начинают суетиться и паниковать две серенькие славки – родители. Никак не могла я выследить, куда залетает кормить отпрысков

эта парочка, пока в поисках не забралась на стул и не открыла дверцу электрощита, установленного на крыльце. Заглянув внутрь, не сразу и заметила, что на дне его буквально распластались и замерли, слившись с подстилкой из сухой травы, несколько испуганных птенцов. В дверце щитка имелось круглое отверстие для проветривания – оно-то и служило птичьим летком.

А через несколько дней, не успела я и глазом моргнуть, птенцы добрали нужную кондицию и покинули отчий дом – у них это быстро!

Одним летом поселилось у нас под боком семейство чёрных дятлов. Чёрный дятел, или желна, значительно крупнее обычного пёстрого дятла, оперение у него угольно-чёрное с ярко-красной шапочкой на голове. Прямо за нашим забором, в стволе старой высокой осины, они буквально вырубали большое, размером с мужскую ладонь, овальное дупло. У пары появилось пятеро птенцов, которые скопом высовывались наружу и начинали громко верещать, услышав несущего корм родителя, издаലെка сигналищего своим детям: «Ррю-ррю-ррю-ррю!..» – мол, приготовьтесь, открывайте рты. А тем и готовиться не надо – от нетерпения все глотки уже давно разинуты.

Для пропитания чёрный дятел рьяно потрошит трухлявые пни, выклёвывая из них залежи муравьиных яиц; выковыривает из-под коры поражённых сосен смачных белотелых ли-

чинок жуков-короедов.

По одной из стен нашей баньки густо разросся посаженный когда-то древогуб, обвив деревянными жгутами установленные ему подпорки. Упёршись в стреху крыши, лиана за много лет намотала под ней причудливый ком ветвей, зарастающий летом густой листвой. Внутри этого укромного, сухого местечка и построили однажды своё гнездо чёрные дрозды. Но не тут-то было. Выследила их кладку хитрая кукушка и стала ежедневно дежурить поблизости, чтобы сделать своё чёрное дело: незаметно подкинуть дроздам в их короткие отлучки из гнезда собственное яйцо. Дрозды неоднократно с шумом прогоняли её, но она не отказывалась от своего умысла и каждый раз снова появлялась на своём посту. Конец этим поползновениям положил гостивший у нас приятель: достал пневматическую винтовку и сделал несколько предупредительных выстрелов по земле, рядом с караулившей «нахалкой». Та сорвалась с места и в панике улетела – уже навсегда.

После дроздов их основательное прутьяное гнездо под стрехой год пустовало, а на третье лето, подновив подстилку, его с удовольствием заняли уже знакомые нам серенькие славочки.

Увидела я как-то на покато́й крыше сарая, засыпанной сосновыми иголками, небывалую птицу, удивительно похо-

жую на попугайчика: ярко-оранжевую, с пёстрыми крылышками, с чисто попугаистым массивным клювом на крепкой голове. Не успела я надивиться, как она упорхнула. Раньше не приходилось мне встречать в наших скромных северных краях птах с таким «тропическим» оперением, но очень скоро (и совершенно случайно) узнала я, что это за «жар-птица».

Дом наш стоит среди старых высоких сосен, дающих каждый год большой урожай шишек а на каждый товар, как говорится, есть свой покупатель. В природе уж точно ничего съестное не пропадает. Семенами, созревающими в шишках, круглый год питаются клесты – и очень сытно живут, ведь семечки содержат калорийное масло, дающее энергию и согревающее в холод. Птицы ловко и быстро вылушивают семена из-под жёстких чешуек своим сильным клювом, кончики которого крестиком загнуты в разные стороны: верхний – налево, нижний – направо. Очень удобно орудовать такими острыми «крючками» – отличный инструмент создала природа!

Клесты постоянно кочуют в поисках богатых шишками деревьев. Каждое лето посещают они и наши сосны, – вот когда наступает настоящий «шишкопад», только голову береги! Бесперывно, одна за другой, летят шишки с большой высоты, ведь клесты кормятся большой компанией. За два-три дня выпотрошат все сосны и улетят искать новые уголья.

Мне никак не удавалось разглядеть мелькающих в высо-

кой густой кроне клестов – слышишь только их беспрерывный щебет да от шишек уворачиваешься. Решила я посмотреть фотографии клестов в интернете – и что же? На картинках в разных видах, во всём своём экзотическом оперении, красовалась та самая птичка с «попугаистым» массивным клювом, которую я недавно видела на крыше своего сарая! Тут уж я смогла рассмотреть этот клюв во всех подробностях. Как и у многих других птиц, яркое оперение у клестов имеют только самцы, а самочки – серенькие. Оказывается, клеста в народе называют северным попугаем за совершенно очевидную схожесть, которую и я с одного взгляда заметила.

Не так часто встретишь в лесу осторожную сойку – птицу довольно крупную, размером с галку, с нарядным оперением. Туловище у неё буровато-розовое, а крылья разрисованы чёрным, голубым и белым цветом. А тут сойки целой колонией поселились на деревьях за нашим забором, выгнав ворон, которые гнездились на этом месте много лет. Пока сойки растили птенцов, в воздухе рядом с нами шла непрерывная война. Вороны хоть и уступили свои дома, но не давали о себе забыть: ежедневно наведывались к обидчикам, кружили над их гнёздами, покушаясь на птенцов, приставали и подначивали. Сойки же при их появлении поднимали такой гвалт – хоть уши затыкай! Орут они надорванными, хрипатыми голосами, да так громко – куда там воронам! – тех и не

слышно было за этими децибелами. В результате оглушённым воронам каждый раз приходилось ретироваться.

Как мы были рады, когда наши скандальные соседи поставили, наконец, птенцов на крыло и убрались восвояси.

Вороны – птицы очень умные, по сообразительности их даже сравнивают с шимпанзе. В наших местах ворон много (а где их мало?). Они всеядны и пищу находят везде: и в природе, и на помойках. С удовольствием и в большой компании пируют они на различной падали, но с успехом разоряют и чужие гнёзда: расклёвывают яйца и таскают птенцов. Сколько раз наблюдала я, как они покушаются на кладки чаяек, устроенные в осоке на речном островке напротив нашего дома, и не всегда чайкам удаётся отбить своё потомство, хоть кидаются они на преступницу с пронзительными криками всем коллективом.

А однажды видела, как две вороны гонялись за семейкой молоденьких бельчат, но те ловко избегали неминуемой смерти, шустро носясь по сосновым стволам и вовремя прячась за них. В стеснённых условиях, среди частых сосен, вороны маневрировали довольно неуклюже и в результате отказались от своих намерений.

Вороны сооружают свои гнёзда на высоких деревьях в развилках ветвей. Эти гнёзда из грубых прутьев могут служить им не один год.

Как-то заметила я, что за корытом, прислонённым к дере-

ву, кто-то есть. Заглянула, а там ворочается крупный, почти взрослый, воронёнок. Наверное, впервые вылетел из гнезда и не рассчитал своих сил – пришлось ему срочно приземляться. А увидев меня, спрятался за корытом. Я ушла с глаз долой, – тогда только он выбрался из своего убежища и, нескладно балансируя крыльями, поскакал прочь. Уверена, что вороны сверху наблюдали за моим поведением, готовые в любую минуту придти на помощь своему птенцу, – а клювы у них мощные!..

На травянистом островке посередине речки – как раз напротив нашего дома – устраивают свои кладки не только чайки, но и утки. Забавно смотреть, как они, поощрительно покрякивая, выгуливают свои выводки вокруг острова, далеко от него не отплывая и стараясь держаться рядом с густыми зарослями осоки.

А в августе, когда вода в речке спадает, на обнажившуюся у берега отмель изредка прилетает серая цапля, поковыряться своим длинным острым клювом в иле, поискать съестное. Цапля пуглива, и наблюдать её приходится очень осторожно, из-за куста. Прежде чем приземлиться, она некоторое время планирует над речкой, высматривая, нет ли какой опасности. Размах крыльев у неё впечатляющий, а длинные лапы смешно вытянуты назад в струнку. И вот на эту с виду неповоротливую птицу напал как-то орёл-беркут. К сожалению, высокие деревья по берегам речки существенно ограничи-

вали нам обзор небесного пространства, и мы не смогли наблюдать это событие в подробностях, но в какой-то момент увидели, что неуклюжая цапля уже сама «догоняет» грозного хищника! Воздушный поединок происходил довольно продолжительное время, и за ним следило множество крылатых зрителей – ворон, которые слетелись на происшествие со всего леса и устроили гвалт, как на стадионе! Болели они за цаплю, и, похоже, помогали ей всей стаей. Вороны не любят орлов и сов, и при случае не прочь устроить им коллективную обструкцию. Думаю, что исход поединка был «ничейный», орлу пришлось убраться. Цапля, во всяком случае, не пострадала.

А с недавних пор (чудо чудное!) на речке стала появляться куда более крупная – белая цапля, которая в наших местах раньше никогда не водилась. Впервые увидев парящую над водой белоснежную птицу, я на секунду решила, что соседский гусь взлетел ненароком!

Бродя по отмели, белая цапля время от времени задирает клюв в небо и, вытянув свечкой свою длиннющую шею, настороженно прислушивается.

Вот какую богатую птичью жизнь наблюдаю я, не отходя от дома! Присмотритесь и вы к своим пернатым соседям – много интересного узнаете, а потом тоже кому-нибудь расскажете.

Карузо

Много птиц возвращается весной из тёплых стран! Они постепенно заполняют оттаявшую родину, словно музыканты оркестровую яму, – и начинают петь. Поют они от радости, что добрались благополучно домой, что наступила весна, что можно закрутить любовь, завести семью и вырастить детей, а потом и их научить петь... Птицы разных голосовых достоинств и виртуозности участвуют в этом оркестре – у каждого своя партия – и лишних нет! Даже самые простенькие исполнители вносят свою лепту в общую гармоничную полифонию. Вы замечали, что в природе нас обычно не раздражает ни один птичий голос? Даже карканье пролетающей вороны кажется привычным и нелишним звуком (хотя их иногда и поругивают для порядка). А горластые чайки? Они перекрикивают даже шторм! Представьте, каким пустым (марсианским!) будут казаться без них широкий песчаный берег и синяя водная гладь. А как уютно заливаются над деревенскими полями жаворонки? А как пронзительно свистят в вечереющем небе стрижи? Без них не был бы таким умиротворённым подходящий к концу летний день...

Есть и сугубо ночные «певцы», днём их не услышишь. Всю ночь, засев в камышах, кричит и не может остановиться погоньш: «Уить!.. Уить!.. Уить!..»; в поле заводит свою шарманку перепел: «Спать пора! Спать пора! Спать пора!..»;

в высокой траве как заводной крекает коростель: «Крре-крре! Крре-крре! Крре-крре!..» Подключается к ночным крикунам и козодой. Не все его слышали, но если вдруг козодой поселится недалеко от вас, вы, несомненно, будете удивляться каждую ночь. «Пение» его можно сравнить со стрёкотом кузнечика значительно усиленной громкости или со звуком работающего на высоких оборотах мотоциклетного двигателя. И ведь стрекочет до утра, не останавливается даже для того чтобы вдохнуть-выдохнуть.

Самые многочисленные и замечательные дневные певцы это, конечно же, зяблики. Поют они, не уставая, с утра до вечера – поют радостно, рассыпчато, с удовольствием! И хотя у них всего-то одна музыкальная фраза, но сила и красота этой трели у всех разная. Они это понимают и соревнуются друг с другом: поют по очереди и слушают друг друга, да ещё и молодёжь учат.

Но непревзойдёнными солистами в птичьем певческом братстве остаются соловьи и дрозды, а кто из них лучший – решайте сами. У тех и других есть «таланты», а есть середнячки. Иное лето поселится такой соловьишко недалеко от дома, а вечерами и послушать нечего: почмокивает изредка в кустах для порядка – или ленивый, или неспособный. Но есть и настоящие профессионалы – всё при нём: и голос мощный, и «репертуар» богатый, и поёт всю ночь без антрактов. А «репертуар» у соловьёв довольно обширный, число коленец у некоторых, говорят, доходит до тридцати.

Все соловьиные коленца давно зарегистрированы специалистами и имеют свои названия: цокот, дробь, щелчки, лешья дудка и т.д. И чем выше мастерство соловья, тем больше разных коленец он может воспроизвести, тем богаче его «партитура», – и тем большее удовольствие он доставляет слушателям. Но вот что пишет о соловье, сравнивая его с чёрным дроздом, Юрий Домбровский: "Соловей (...) так петь не умеет. Он щелкает и заливается на тридцать ладов, все хитрит и манерничает, а этот дрозд, когда поет, забывает все на свете».

Чёрные дрозды не ограничиваются определённым набором коленец, они замечательно и вдохновенно импровизируют; умеют и подражать – за это их называют пересмешниками. Голос у чёрных дроздов необыкновенный, его звучание часто сравнивают с флейтовым. Сравнение хорошее, но формальное, ведь никогда не перепутаешь живой голос певца с «голосом» металлического (пусть и серебряного) инструмента. Чёрный дрозд обладает тембром волнующим, чистейшим, шёлковым, влажным, переливающимся слезой, – и моё сердце, несомненно, принадлежит ему. Днём дрозды почти не поют – во всяком случае, не слишком стараются. А вечером, и особенно на рассвете, можно услышать их великолепное соло.

Есть у меня в запасе одна замечательная история о чёрном дрозде.

Дом наш стоит в лесу, и окна в нём днём и ночью нараспашку. Каждое утро, перед восходом, начинают громко, на весь лес, распеваться дрозды, да и вся остальная птичья мелочь принимается цвыкать, посвистывать, крутить скрипучие колёсики, трещать, верещать: все радуются, что ночь кончается. Весь оркестр в сборе – доброе и прекрасное чудо! И вот однажды слышу сквозь сон, что в эту симфонию вклинился необычайно сильный голос: пел дрозд, да так пел, что все остальные птицы рядом приумолкли и заслушались. Голос певца был редкой силы и красоты, насыщенный необыкновенными виртуозными нюансами. Пел он, не останавливаясь, долго, уверенно и самозабвенно – как могут петь только великие вокалисты! Я лежала у окна и слушала. Сон слетел прочь, и душа моя расплавилась – даже слёзы выступили. Потом певец замолк, и через некоторое время его голос зазвучал в отдалении, потом ещё дальше, – но даже ослабленный расстоянием он выделялся среди всех.

Дрозд прилетал к нашему дому каждое утро. Не поверите, но я ждала его, и каждый раз старалась проснуться ко времени. И он никогда не подводил. Про себя я называла его Карузо, да и как ещё назвать? Один раз я даже пыталась разбудить мужа (как мы с ним договаривались), чтобы он поделил мои восторги, но он добросовестно мычал сквозь сон и тут же снова отключался. Пел Карузо и среди дня, но коротко: или пробуя голос, или оттачивая какую-нибудь одну фразу, – как бы репетируя. И я, как истинная поклонница,

сразу узнавала его.

Однажды, после обеда, мыла я посуду на крыльце. Чтобы дело лучше спорилось, я настроила радио на музыкальную волну. Одна за другой звучали хорошие мелодии, скрашивая мне скучную работу. Когда я расправилась с посудой – запел Адриано Челентано мою любимую «Confessa». Я скинула фартук, сделала звук громче и уселась в кресло слушать и наслаждаться. Когда песня закончилась, я выключила приёмник, но неожиданно с ближайшей сосны зазвучала (я не поверила своим ушам!) целая музыкальная фраза из песни Челентано, повторяясь раз за разом. Да ведь это Карузо! Оценил чутким ухом невидимого конкурента и ответил: мол, я тоже так могу!

К июлю утренний птичий оркестр стал заметно редеть, а скоро и совсем распался. Все нормальные дрозды завершили сезон, сменив пение на сварливый цокот, обращённый к выросшим, но продолжающим держаться поблизости детям, уча их уму-разуму. Карузо же продолжал петь чуть ли не до осени – не мог без этого; правда, со временем пел уже не так длинно и самозабвенно, постепенно укорачивая свои заметно погрустневшие рулады. Слушателей не стало – разлетелись кто куда, примолкли. А как петь в пустоту? Начав свою арию, он неожиданно, на «полуслове», её обрывал. Перелетая с места на место, делал ещё несколько попыток, видно, искал сочувствующих и, не найдя, вовсе прекращал это занятие. А потом незаметно и совсем пропал: осень наступила,

все птицы по очереди собирались в стаи и улетали в тёплые края, улетел со своими сородичами и мой кумир. На следующий год он не вернулся к нам, я бы его по голосу из тысячи узнала.

Великие таланты не часто рождаются, но я всё-таки не теряю надежду, что как-нибудь появится в наших местах новый Карузо...

Мартовские сюрпризы на берегу Ладоги

Поехала я однажды в марте по неотложному делу на дачу, хотя обычно до майских праздников мы там не появляемся. Добиралась на электричке, а потом ещё семь километров пешком по раскатанной обледеневшей дороге, вдоль замёрзшей Ладоги.

Зима уже отступила, и погода была мягкая, оттепельная; временами через жёлтые ажурные облака грело по-настоящему весеннее солнце. Я шла по узкой неровной полоске чёрного асфальта, протаявшей в ледяной колее. Стояла удивительная для городского уха тишина: никакие звуки, кроме изредка хрупающей под ногами ледяной крошки, не нарушали её. Отвалы снега на обочинах уже потемнели и засахарились, хваткие мартовские лучи горячей гребёнкой успели прожечь в них косые щели. Но Ладога, раскинувшаяся до горизонта справа от дороги, ещё светилась первозданной белизной, и только у прибрежных тёмных валунов снег просел, напитавшись талой водой.

Я прошла уже полпути, примечая всё вокруг и радуясь наступающей весне, как вдруг неожиданно уловила впереди тонкий гомон каких-то птиц. Любопытство заставило меня припустить шаг, и скоро я увидела на обрывистой кромке

берега высокую берёзу, буквально мельтешащую небольшими птицами, прыгающими с ветки на ветку и посвистывающими нежными голосами, – свиристели! Однажды я видела их зимой в городском парке и теперь узнала. Я подивилась количеству птиц – их было не меньше сотни. Свиристели не реагировали на моё присутствие, и я с интересом разглядывала их. И было на что посмотреть! На фоне розово-серого оперения птиц замечательно выделялись все их яркие украшения: чёрные крылья с нарядным жёлто-бело-красным орнаментом, жёлтая кайма на кончике хвоста, чёрная маска вокруг глаз, пижонские хохолки, гладко зачёсанные назад длинным козырьком. Непостижимым образом природа создаёт красоту по своим неписанным законам и никогда не делает оплошностей!

Я стояла посреди дороги, любовалась и слушала, забыв про спешку и про своё неотложное дело. Да и часто ли встретишь такое? Песня свиристели – тонкая, изящно журчащая трель; ну а их многоголосье, кто слышал, – настоящий весенний бальзам на душу!

Под впечатлением я продолжила путь, с улыбкой перебирая в памяти все подробности увиденной картины. Однако я и не предполагала, что ожидает меня дальше.

Дорога была совершенно безлюдна, за всё время пути мне ни разу никто не встретился. Но вдруг впереди, за изгибом дороги, раздался короткий собачий лай и чей-то грубый хохот. Я заволновалась: что-то мне не понравился этот мужи-

чий смех в тишине, да ещё и собака в придачу. Остановившись, я замерла в ожидании, но из-за поворота так никто и не появился. Пришлось двинуться вперёд, но то, что я увидела, свернув, снова заставило меня затормозить: не было там и в помине ни человека, ни собаки – на дороге токовали белые куропатки! Два горделивых «петуха», вытягивая чёрные шеи, пробежками перемещались в большой толпе «дам», лая по-собачьи, похохатывая человеческим голосом и бурча в промежутках: «Тыдыу-тыдыу-тыдыу...» Они не замечали ничего вокруг, и меня не заметили. Опомнились только, когда поняли, что токуют в одиночестве: пугливые дамы скрылись в кустах сразу же при моём появлении. Пришлось и кавалерам последовать за ними, но сделали они это с достоинством, не проявляя паники и спешки.

Слева от дороги, за полосой леса, лежит обширное клюквенное болото, богатое кормом. Белые куропатки живут там круглогодично, прячась зимой в пещерках под снегом. Летом, когда на дороге полно машин и людей, они не высовываются из своего болота, а в мёртвый сезон дорога почти всегда пуста, стоит тишина, – вот и устроили куропатки свои брачные танцы на свободном, раскатанном пространстве, потеряв бдительность. Тут-то я впервые в жизни и увидела их – да во всей красе!

Я оказалась для куропаток безобидным прохожим, но есть у них и настоящие враги – лисы; почти каждую поездку мы встречаем их у дороги. С сожалением я представила, как лег-

ко рыжим хищникам воспользоваться беззащитностью этих птиц на токовище.

Вот так, с остановками, добиралась я в тот день на дачу. Зато теперь есть о чём рассказать!

Хоть смейся, хоть плачь...

Случилась с нами много лет назад история, которая со скоростью света облетела тогда все близлежащие веси, а старожилы и теперь её вспоминают. История – «из ряда вон»: комичная или трагикомичная – как хотите. Сколько раз порывалась я описать всё на бумаге, но что-то мешало. И всё-таки пришло время рассказать...

Были мы тогда молодыми и каждое лето отпуск свой и все выходные проводили на Ладоге, в старой бесхозной избушке, находящейся на территории военного полигона и закрепившейся за нами в качестве дачи со времён службы моего мужа на полигоне врачом. Избушка находилась на отшибе, на берегу речки, – фактически уже в лесу, который тянулся далее на много километров. Присутствие воинской части мы почти не ощущали, и только по вечерам, в установившейся тишине, долетала до нас по речной глади молодецки-петушиная строевая песня солдат, идущих на ужин.

Как-то в сентябре, в очередные выходные, приехали мы на свою уютную дачу с друзьями, Мирой и её мужем Виктором, на традиционно-ежегодный поход за клюквой. Приехали в пятницу вечером, по наступающей темени. С облегчением сбросив с себя рюкзаки после семикилометрового перехода от железнодорожной станции, шустро приступили к готовке вожделенного ужина: на сковородке зашкворчала курятина,

запахло горячей молодой картошкой, резаной зеленью, помидорами, огурцами. В предвкушении еды приняли по рюмочке, развязали языки. А за столом окончательно раздухарились: потекли шумные разговоры – за что язык зацепится – анекдоты, хохот. Отгородившись от мира в этой неказистой избушке, испытывали мы в тот вечер на редкость счастливое состояние.

Здесь хочу вставить маленькую ремарку: почти сразу по приезде я обнаружила, что в наше отсутствие в доме кто-то побывал: была вскрыта и съедена консервная банка томатной пасты (грязная ложка так и осталась в ней), а с кровати исчезла пара байковых одеял. Факт возмутил, но особо не расстроил – мы отнеслись к нему философски: оконные рамы в нашей избушке легко вынимались без всякого специального инструмента, ну а местные солдатики постоянно промышляли по округе – где бы чем подкормиться. Удивила, однако, степень голода воришки, употребившего целую банку солонущей, сухой как замазка, томатной пасты гольём. Мы покудахтали по этому поводу, но предстоящий ужин переключил наше внимание в другое русло.

Засиделись мы допоздна, наступила пора ложиться: с утра предстоял нелёгкий поход на клюквенное болото, да и усталость от прошедшей недели брала своё. Зевая, стали разбредаться по своим каморкам. А домик наш – старенькая мазанка с небольшими окошками и низкими потолками – по сути и состоял из двух этих спальных каморок с занавесками

на дверных проёмах да маленькой кухоньки с печкой и обеденным столом. В каморках кроме кроватей ничего не помещалось, и одежду приходилось развешивать по стенкам. В те времена нас это нисколько не смущало: мы были молоды, счастливы и всей душой любили свою лесную «заимку».

Я леглась последней. Слегка прибравшись на столе и заперев дверь на крючок, погасила свет. Раздевшись в темноте, нырнула к мужу под одеяло. Однако мечты о сладком сне пришлось отложить: пьяненький муж не спал и совершенно беззастенчиво, с открытой «душой», ждал продолжения праздника жизни – он активно начал склонять меня разделить его радость. Допустить этакое безобразие по соседству с друзьями за картонной стенкой было немыслимо. Я шипела в ответ, извивалась, больно тыкала его пальцем в бок, что само по себе вызывало немало шума, и всё-таки удержала оборону: притязания постепенно стали ослабевать и вскоре сменились мирным похрапыванием.

Утро выдалось замечательным: бабье лето собрало по сушекам все остатки солнечного света и тепла. После неторопливого завтрака решили сделать перед выходом небольшой передых. Мужички разбрелись кто куда, а мы с Мирой сидели за столом перед распахнутой дверью, любуясь живописными соснами, и лениво болтали без особой темы. Вдруг подруга встрепенулась:

– Слышала?!

– Что?

–Кто-то чихнул в вашей комнате!

Я засмеялась:

– Да не может быть, тебе показалось!

– Говорю тебе – точно кто-то чихнул! Я сижу рядом и слышала хорошо!

Я зашла в пустую комнату и тут же нашла возможное объяснение: чих мог долететь через открытую форточку с другого берега реки. Гладь воды как зеркало отражает звуки, слышны бывают даже негромкие разговоры на том берегу. Но Мира продолжала бубнить своё. Чтобы её успокоить, пришлось откинуть покрывало и заглянуть под кровать, – больше искать было негде. Под кроватью, конечно же, ничего не оказалось, но на полу было расстелено то самое одеяло, пропажа которого обнаружилась вчера. На нём лежал топор. Почему-то испугавшись топора, я дёрнулась, как от змеи, и срочно призвала Миру в свидетели. Обозрев найденные улики уже вдвоём, мы поспешили за мужьями, но тут Юра и сам появился на пороге, – мы бросились наперебой описывать ему ситуацию. Он зашёл в комнатушку и, нагнувшись, сначала вынул из-под кровати топор, а потом вытянул на себя одеяло с целым арсеналом колюще-режущих предметов на нём: здоровым кухонным ножом, шилом, ножницами, чем-то ещё. Прижавшись с Мирой к стенке, мы оторопело смотрели на весь этот реквизит.

– А вот и он, голубчик! – неожиданно воскликнул Юра –

как будто таракана поймал. Мы ждали от него объяснений, но он, не обращая на нас внимания, продолжал покрикивать: – Ну-ка, ну-ка, вылезай! Вылезай, говорю!

События развивались стремительно: после безответных призывов, Юра лёг на живот, запустил голову и руку под кровать и, после недолгой возни, вытянул оттуда – ! – солдата за ремень на тощем брюхе...

Очнувшись от паралича, мы с Мирой кинулись на улицу с криками:

– Витя! Витя! Скорее! Сюда! Солдат под кроватью!! Солдат под кроватью!!!

Наши вопли заставили Витю, мирно заседавшего в «скворечнике», вскочить с толчка, и его встревоженная физиономия высунулась в проём над дверью – для экстренной оценки ситуации.

Солдатик был маленьким и настолько тщедушным, что, прячась в глубине под кроватью, как потом отметил Юра, практически слился с задней стенкой. Бессмысленное лицо его не отражало ничего кроме тупой отрешённости, в которую, видно, он давно провалился от полной безнадёги, утратив при этом способность что-либо соображать и отвечать на самые простые вопросы. Сбежал он, несомненно, от дедовщины (над такими убогими прежде всего и глумятся), скрывался много дней, вконец изголодался и обессилил.

Не добившись от него никакого толку, Юра приподнял висящие плетьюми руки солдатика и ощупал карманы на пред-

мет «холодного оружия», но карманы были пусты. Мужчины подхватили его под руки и спотыкающегося повели в «родную» воинскую часть. Все мы были настолько ошарашены, что не сообразили дать ему хотя бы кусок хлеба...

Когда они ушли, мы с Мирой переглянулись и разразились нервическим смехом: это надо же – проспять всю ночь с вооруженным до зубов солдатом под кроватью! Сказать, что вся эта история показалась нам нелепым сном – ничего не сказать. Хотелось больно ущипнуть себя за что-нибудь.

Разговор наш сумбурно перескакивал с одного на другое. Мы стали представлять, что чувствовал этот измученный многодневным голодом солдатик, полсутки пролежавший под кроватью без движения, дурея от съестных запахов и напряженно прислушиваясь к чужому веселью, а «на закуску» (подумала я уже про себя) – к нашим ночным препирательствам у себя над головой (хорошо хоть только препирательствам!). И ведь у него была совершенно очевидная возможность выползти из-под кровати глухой ночью, когда уставшие и подвыпившие хозяева спали без задних ног, откинуть дверной крючок и убежать, – никто из нас утром и не понял бы ничего. Правда, он мог услышать из наших разговоров за столом, что утром мы уходим на болото, и решил всё-таки остаться под кроватью, переночевать в тепле, а после нашего отбытия за клюквой вылезти и наестся до отвала. Или просто собрать всю привезённую нами провизию в рюкзак и смыться. Однако предательский чих расстроил все

его планы.

Наше воображение пошло и дальше: а что если бы у него от голода совсем снесло крышу? Мог бы вылезти из-под кровати с топором и порубить спящих хозяев в отместку за все свои несчастья! Слава Богу, этого не случилось, да и вряд ли у этого жалкого, забитого существа даже мысли такие могли появиться. Хотя мог ли он вообще как-то мыслить в таком состоянии...

Вернувшись, наши мальчики рассказали, что в воинской части искали беглеца всем личным составом уже больше недели: прочёсывали лес, обходили все деревенские дома, неоднократно бывали и у нашего дома, но висящий замок на двери и нетронутые стёкла в окнах не вызывали у них никаких подозрений. Теперь же солдатику предстояло освидетельствование в психиатрическом отделении окружного госпиталя и возможное списание из армии. Дай бы Бог, конечно...

А за клюквой мы в тот день всё же сходили, да и на следующий день пошли. Много тогда клюквы уродилось. В город мужички тащили на своих плечах по внушительному рюкзаку, набитому доверху.

Кстати, ещё долгое время, приезжая на дачу, мы первым делом заглядывали под кровати...

Клюквенное болото

Есть у нас с друзьями заветная традиция – ежегодный сентябрьский поход за клюквой. Уже за месяц начинаем со-званиваться и выбирать подходящую дату. Начало сентября недаром называют «бабьим летом»: погода, на радость нам, выдаётся в эти дни почти всегда замечательная, солнечная, придающая особенную ауру всему нашему предприятию. Клюква на болоте к этому сроку как раз поспевает, полностью краснеет, да и первые ночные заморозки успевают её «пощипать», отчего ватная мякоть ягоды наливается алым соком и приобретает свой истинный, клюквенный, вкус.

На болото идём вдвоём с подругой, а раньше и мужей своих привлекали, но те со временем отказались от этого «бабьего» занятия. Кто-нибудь из них подвозит нас по грунтовой дороге от дачи до нужного места на берегу Ладоги, а дальше добираемся уже своим ходом. Обширное болото тянется вдоль озера в полутора километрах от берега, – идём к нему напрямую, пересекая около десятка узких приладожских грив, по которым можно посчитать сколько раз за прошедшие тысячелетия озеро безвозвратно отступало, оставляя на берегу одну за другой гряды намытых камней и песка, давно заросших сосновым лесом.

Но скоро сухие гривы кончаются, лес спускается к болоту, редее; ноги начинают месить тяжёлую подстилку, шоркать

жёсткими листьями морошки, – а там и опушка видна! С великим трудом, пыхтя, выбираемся наконец на бескрайнее, залитое солнцем болото и с облегчением присаживаемся на пустые вёдра передохнуть. Ветра нет, тихо. Заметно припекает солнышко. Скромная сентябрьская синь над головами чиста, и только вдалеке, над горизонтом, клубятся светлые облака. Раскинувшееся перед нами болото устлано мягким одеялом мха-сфагнума, густо проросшим волосатой, выгоревшей за лето осокой. Ходить по такому одеялу нелегко: ноги, обутые в резиновые сапоги, засасываются в глубокий, напитанный болотной водой мох.

Клюкву мы собираем, двигаясь вдоль опушки. За много лет эти места хорошо изучены нами: нет здесь тех коварных полян, на которые ступишь – и вся поверхность метров на пять перед тобой неожиданно начинает колыхаться, словно плот на воде, а тебя охватывает дурной страх. Был у меня когда-то случай, после которого я стала относиться к болоту с большой опаской. Наткнулась я тогда в болоте, среди сплошных кочек, на необычайно гладкую и круглую, как озерко, поляну, выстланную изумрудным мхом, по которому была густо рассыпана алая клюква. Я замерла от восхищения, а мне бы сразу сообразить: что-то здесь не так! Но нет – я, как муха на приманку, с размаху ступила на ядовито-зелёную подстилку и молниеносно ухнула в трясину по колени. С трудом развернувшись торсом к «берегу», я в ужасе поня-

да, что не могу вытащить ноги наружу: трясина быстро засасывала их всё глубже и глубже. Лихорадочно ища спасения, рухнула грудью на бережок и потянулась рукой к двум тощим кривым берёзкам, торчащим изо мха поблизости. Первая из них рассыпалась в моей руке на гнилушки, а до второй – не помню как и дотянулась, но она-то и спасла меня: ухватившись за ствол и почувствовав его крепость, я с усилием начала вытягивать ноги из смертельной трясины. Слава Богу, мне как-то удалось это сделать, даже сапоги на ногах остались, благо были тесными в голенищах! С тех пор не заходим мы далеко в болото, не ищем «счастья» на свою голову, а собираем клюкву среди чахлых сосёнок по краю опушки – на «шельфе».

После короткого передыха разбредаемся, нам не терпится выяснить, какая же нынче уродилась клюква? Скоро начинаем постукивать первыми ягодами по дну пустых вёдер, там-сям «клюём» крупные клюквины и медленно двигаемся вперёд – ищем своё «эльдorado» – такую россыпь, чтоб дух захватило. Далеко не расходимся, иногда перекрикиваемся, обмениваясь впечатлениями. И вот кто-то из нас восхищённо охает, встретив, наконец, первую кочку, доверху набитую кроваво-красными ягодами, как драгоценными камнями, а за ней – вторую, третью, четвёртую!.. Вот же оно – то самое «эльдorado»! Объединившись, мы удовлетворённо затихаем на какое-то время, быстро наполняя вёдра отборными яго-

дами.

На болоте встречаешь самую разнообразную клюкву по форме, цвету и размеру. Форма ягод бывает и круглая, и приплюснутая, и овальная, и каплевидная; а цвет – от светло-красного до тёмно-фиолетового. Не всякую клюкву хочется взять. Недолюбливаем мы мелкий фиолетовый сорт (надоедает изо мха выковыривать!) и розовый – он выглядит незрелым. Ну а если уж ягода понравится – собираем тщательно, проверяя поляну по всем направлениям, ведь клюква – растение ползучее. На поверхности мха прежде всего видишь ягоды, а самого растения почти не замечаешь, настолько оно неприметное. Длинные, тонкие плети с мелкими кожистыми листочками стелются и расползаются по мху во все стороны, прорастая в него и выпуская на поверхность россыпь ягод на стоячих черешках. Со стороны кажется, что и вправду на кочке кто-то невзначай рассыпал ягоды. Станешь вытягивать такую плеть изо мха – конца не найти – с соседней кочки мох за ней тащится.

Бывает, выпадет и неурожайный год, месишь тогда сапогами болото полдня в поисках ягоды, взмокнешь, а клюквы в ведре – кот наплакал. Тяжело! Приходится часто передышки делать, пристроившись на ведре. Сидишь и наблюдаешь, как утки летят над болотом, звучно, как пропеллер, рассекая воздух крыльями: «вить-вить-вить-вить»; или неторопливо

летит куда-то ворон, оповещая о себе редкими басовитыми криками: «Крру!.. Крру!..» А раз неожиданно увидела за сосёнками бегущую лошадь и оторопела: откуда лошадь на болоте?! И какая рослая! Несётся по вязкому мху, словно Пегас на крыльях. И тут до меня дошло: да это ж испуганная лосиха сорвалась с места, заметив меня! Лосям ведь болото нипочём: ноги у них высокие и сильные, а копыта широкие и раздвоенные, чтобы легко было и по болотной топи, и по глубокому снегу ходить. Лося болото любят; здесь часто встречаешь их помёт (горки крупных бурых орешков), примятый лёжками мох, глубокие, протоптанные на их привычных маршрутах тропинки во мху. На болото они выходят отдохнуть, спокойно повалиться под ветерком, на мягкой подстилке. Люди не беспокоят их здесь, появляются только осенью, когда клюква поспевает.

А как-то, не заметив, спугнула я стаю пасущихся на клюквенной поляне глухарок. Оглушительно взорвав воздух крыльями, они взлетели почти из-под ног и скопом рванули прочь, сверкая на солнце своим великолепным буро-белым оперением. Не знаю, кто из нас тогда больше испугался!

При ближайшем рассмотрении видишь, что и растительность на болоте не такая уж бедная. На особо крепких высоких кочках, покрытых шерстистым жёстким мхом, растут карликовые берёзки – стланик – низенькие кустики, прибитые ко мху и совсем не похожие на любимую белую берёзу.

Листочки у стланика круглые и мелкие, как монетки, жёсткие и зазубренные по краю; не поверишь, что это берёзка, пока не разотрёшь листочек пальцами и не понюхаешь, – сразу вспомнишь банный веник! В обнимку со стлаником соседствуют и дурманый багульник, и ярко-зелёные лапки шикши, облепленные мелкой чёрной ягодой. Веточки шикши часто путаются под руками, когда собираешь клюкву, и, как не избегай, в ведре потом всегда находишь её чёрные ягодки. Попадается на гладких, свободных от осоки пяточках и растение-хищник – росянка, которая питается мошками, угодившими в её липкие подвижные реснички. Этими ресничками покрыты её листочки, похожие на маленькие ложечки с длинными черенками, розеткой разложенные на мху.

Когда родится много клюквы, собирать её быстро и нескучно. Да и по болоту меньше рыщешь: клюква везде, куда ни глянь, – разных сортов, на любой вкус – только выбирай какая больше нравится. Тут уж не грех и «капризничать» – выбирать только лучшую из лучших. При должной сноровке часа за четыре ведро можно набрать.

Но однажды повезло нам особенно: попался нам редкий (не каждый сезон и встретишь!) и самый замечательный из существующих «сорт» – не клюква, а вишня: и формой, и цветом, и размером. Возьмёшь в руку несколько штук – и ладонь заполнена. Случилось это (как всегда такое бывает), когда уставшие уже, с полными вёдрами, выползали мы из

болота. Солнце за день так разогрело мхи, что выгнало наружу множество мелких комаров, которые назойливо липли и кусали нас на прощанье, и мы были рады выбраться, наконец, из этого распаренного рая. Но тут, у самой опушки, неожиданно обнаружили длинную вереницу высоких кочек, на которых, словно предметы в великолепном натюрморте, были обильно разложены крупнющие тёмно-вишнёвые ягоды-репки. Ну что тут скажешь?! Забыли мы и про комаров, и про полные вёдра – и своего не упустили: достали припасённые в карманах полиэтиленовые мешки и вцепились в кочки, непрестанно охая и ахая, пока не опустошили их. И про усталость забыли, – вот что делает нечаянная радость!

С трудом выбравшись из болота, ступаем мы наконец-то на земную твердь. Шумно ухаем и садимся передохнуть у высоких ёлок – теперь уж перед обратной дорогой. Косое солнышко припекает лица. Сидим благостные и довольные – день прошёл не зря: и погода не подвела, и вёдра полные, и такой приятный подарок напоследок от болота получили. Впечатлений – на целый год, а то и всю жизнь вспоминать будем. Кряхтя, встаём, подхватываем тяжёлые вёдра, – надо потихоньку двигаться, нас уже ждут на дороге...

Осень

К концу октября вдруг замечаешь, как резко сдала оброта природа, и как трудно теперь после безрадостного расвета приходит в себя очередное квёлое утро. Если повезёт, из-за леса на том берегу выползет солнышко, на ходу прожигая лучистой дырой частокол чёрных сосен; подогреет на обмелевшей речке илистые проплешины, и те закурятся вялым туманцем. Редкие чайки подолгу сидят на камнях, заляпанных белым помётом, сушат крылья, а потом, распушив клювом перья, беззвучно снимаются и улетают по неведомым делам. Стоишь на берегу и высматриваешь остатки летней жизни, которая ещё недавно шумела на разные голоса.

По утрам, пока мы ещё спим, к дому за поживой прилетают сороки – трещат, прыгают по садовому столу, расклёвывают оставленный у порога мешок с мусором. На шум слетаются вороны, – а тут часто и до драки дело доходит!

После завтрака одеваюсь и иду в лес – прогуляться, поискать последние неказистые грибочки, которые тебе и не нужны вовсе, – принесёшь домой и выбросишь. Но глаза сами бегают по опустевшим грибным обочинкам: вдруг какой запоздалый выскочил?

Лес почти облысел, только на верхушках берёз ещё желтеют облачка последней листвы, да мелькнёт иногда среди голых стволов золотой, словно залитый ярким солнцем,

неосыпавшийся ивовый куст. И только под ногами всё зелено: и нетронутый тленом пухлый мох, и прихотливая вязь оголённого черничника, и разбросанные куртинки вечнозеленой брусники.

Бредёшь неспешно и с грустью оглядываешь присмиревший лес, ждущий уже и зимы, и снега. Стоит отрешённая тишина: ни одна пичужка не свистнет, только лесная подстилка похрустывает под ногами. Наткнёшься случайно на лесную бочаженку, залитую водой, упрёшься глазами в чёрный омуток и оцепенеешь на время, задумавшись неизвестно о чём. А когда с трудом сдёрнешь с глаз пелену – вздохнёшь, да и повернёшь к дому – к уютным звукам человеческого жилья.

В оформлении обложки использована фотография автора